

БОГДАН СУШИНСКИЙ

КАЗАЧЬЯ СЛАВА

Путь воина

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Время героев

Богдан Сушинский

Путь воина

«ВЕЧЕ»

2012

Сушинский Б. И.

Путь воина / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ», 2012 — (Время героев)

Тридцатилетняя война еще тлеет. Франция сильно истощена. Резко ухудшаются отношения между Польшей, Османской империей и ее вассалом, Крымским ханством. В Украине создаются первые отряды казачьей освободительной армии. В самой Польше тоже обостряется борьба за трон. И теперь уже не только во Франции, но и в Польше, а также в Украине рассчитывают на сабли опытных, добывших себе европейскую славу воинов. Сюжетно этот роман является продолжением романа «Рыцари Дикого поля».

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	8
3	12
4	16
5	21
6	25
7	28
8	31
9	33
10	36
11	40
12	44
13	47
14	49
15	51
16	54
17	57
18	61
19	64
20	67
21	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Богдан Иванович Сушинский

Путь воина

Часть первая

Королева отверженных

1

Кардинал Мазарини вернулся от королевы. Он был мрачен, как бывал мрачен всегда, когда после очередной беседы у государыни задавался одним и тем же сакраментальным вопросом: «Каким чудом эта страна все еще существует?! Насколько хватит у французов терпения, прежде чем они возьмутся за косы и секиры, чтобы по камешку разнести все эти помпезные “пале-рояли” и “лувры”»?

Но если раньше подобные вопросы оказывались порождением его не в меру взбунтовавшихся нервов и фантазии, то на сей раз у первого министра уже не хватало ни нервов, ни фантазии для того, чтобы осмыслить взбунтовавшуюся против него реальность.

Дело в том, что эта их «тайная королевская вечеря» происходила в присутствии главного казначея и нескольких самых богатых людей Франции, потенциальных кредиторов. И крыл ее казначей совершенно невозмутимой в своей убийственности фразой: «В королевской казне не осталось ни одного золотого. Если война продлится еще хотя бы несколько месяцев и мы к тому времени не сумеем, как минимум вдвое, увеличить налоги, то к осени воевать нашим воинам придется каменными топорами, питаясь подаением своих пленников».

«Это ж надо было так словесно изошряться: “Подаением пленников”! Красноречив, подлец!» – с раздражением вспоминал сейчас это высказывание кардинал Мазарини, возродив в памяти исхудавшее, болезненное лицо королевского казначея.

Однажды принц де Конде – острый на глаз и злой на язык – уже сказал королеве: «Достаточно взглянуть на тощее существо, которое сидит на казначейском сундуке Франции, чтобы понять, что это сундук уличного нищего. Не пора ли подыскать человека, способного олицетворять богатство богатейшей из стран Европы? Пусть хотя бы своим внешним видом».

«Именно такой – тощий, аскетический казначей и нужен нам сейчас, – парировал присутствовавший при этом Мазарини. – Когда вся Франция восстанет против наших налогов, мы покажем им казначея. Уверен, что после этого наши несчастные сограждане сами скинутся всем миром, чтобы поддержать, если не казну, то хотя бы ее хранителя».

Парировать-то он тогда парировал, причем хлестко. А все равно слова принца всплывали как-то сами собой.

– Мы уже три месяца не платим жалованье наемникам – казакам из Польши, – напомнил он казначею и королеве. – А ведь храбрость этих воинов общеизвестна. Мы будем выглядеть перед Францией и всем миром идиотами, если вынудим их оставить нашу страну нищими, продемонстрировав перед Польшей и всеми будущими наемниками свою неблагодарность и скупость.

– И что же вы в таком случае предлагаете?! – воскликнул казначей. – Я должен продать собственный дом, чтобы ваши наемники оставили пределы королевства необиженными?!

– Если вы не изыщите возможности выплатить им все, что положено по договору, то можете считать, что сами подсказали нам совершенно безболезненный для казны выход из

ситуации, – заверил его Мазарини. – И не ждите, когда я окончательно натравлю на вас принца де Конде.

При упоминании о главнокомандующем казначей болезненно передернул плечами и на всякий случай помассировал левую сторону груди. Молодого и не очень разборчивого в выражениях военачальника он боялся почти мистическим страхом. Принц мог зарубить его в присутствии королевы, и с него – как благодарности с утопленника.

В окно ударили первые капли дождя, внезапно сменившего мокрый снег, который с самого утра нависал над городом серой пеленой безысходности. Мазарини с тоской посмотрел на висевшую напротив его стола картину, на которой был воспет залитый солнцем мыс – один из уголков его родной Сицилии – и вновь перевел взгляд на занавешенное дождливой предвечерней синевой окно.

– Что, виконт, что? – наконец обратил он внимание на вышедшего из секретарской комнаты де Жермена. – Вы не знаете, почему в последнее время я воспринимаю каждое ваше появление как упрек себе?

– Позвольте не воспринимать ваше замечание как упрек в свой адрес, ваше высокопреосвященство, – кротко проворчал секретарь.

– Каждый раз вы стоите у этой двери словно верховный судья, прибывший для объявления о моей отставке.

– Нас посетил папский нунций монсеньор Барберини, – упорно возвращал его к государственным делам секретарь. – Он уже уведомлен, что вы только что были у королевы, и желал бы занять у вас несколько минут высокопреосвященного времени.

– «Высокопреосвященного времени»! Вы потрясаете меня своими словесами, виконт. Однако какие бы комплименты мы ни говорили друг другу, папский посол от этого не исчезнет.

Мазарини вновь взглянул на залитый райскими лучами берег Сицилии – далекий и недоступный – словно прощался с ним навсегда и нехотя вернулся к заваленному всяческими бумагами столу, с которыми не в состоянии будут разобраться два последующих его преемника. Заниматься этим секретарю он не позволял, поскольку тот способен был вносить в сугубо рабочий хаос его стола такой порядок, при котором у первого министра пропадала всякая охота садиться за него.

– Чего он хочет, наш досточтимый монсеньор нунций? Наш папский нунций... – почему-то повторил он последнее слово по слогам, как бы смакуя их звучание.

– Похоже, что некоторым правителям надоела бесконечная война, давно захватившая половину благословенной Европы.

Мазарини задумчиво посмотрел на секретаря.

– Не обессудьте, виконт, если в хоре этих истосковавшихся по миру правителей и политиков появится и мой, охрипший от молитв и переговоров.

* * *

С той поры, когда они виделись в последний раз, Барберини не стал выглядеть ни свежее, ни увереннее. Все тот же смиренный вид монашествующего дипломата, то же покрытое тленной желтизной изможденное лицо, которому не позавидовал бы даже главный казначей королевства; та же неизменная кожаная папочка, которую нунций постоянно носил с собой, извлекая из нее словно факир из шляпы все новые послания и благословения своего покровителя из Ватикана. Причем порой Мазарини казалось, что там, в этой папочке, они и зарождаются, и папа римский даже не догадывается об их существовании.

Встретив Барберини с полагающимся папскому послу уважением, Мазарини прежде всего взглянул на эту стянутую двумя золотыми застешками папочку. И был удивлен, что, подсев к столу, нунций совершенно забыл о ней.

– С благословения святейшего престола, – начал Барберини таким заупокойным голосом словно отпевал не только первого министра Франции, но и саму Францию, – мне велено передать вам величайшую озабоченность Его Святейшества Папы Римского тем небогоугодным кровопролитием, которое продолжает ввергать в скорбь весь христианский мир.

– Ни папа, ни тем более вы, досточтимый нунций, не можете сомневаться, что мы по-прежнему считаем себя частью этого осененного крестом мира и скорбим вместе со всеми.

– Не в каждой из стран первым министром является кардинал святой церкви, – напомнил нунций о той особой ответственности, которая ложится на Мазарини как на кардинала за все, что происходит на северо-западных границах Европы.

– Но и не каждый первый министр проявляет такое рвение в попытке прекратить войну и воцарить в Европе завещанный нам Господом мир.

Барберини понял, что переговоры зашли в тупик. Соревноваться в верноподданническом славословии с самим кардиналом Мазарини – все равно, что поучать собравших всех вместе, от Луки до Матфея, святых апостолов-евангелистов. Нунцию уже не раз приходилось убеждаться в этом, проклиная судьбу именно за то, что послала в отведенной ему папой стране премьер-министра в сане кардинала.

– Кстати, – неожиданно пришел ему на помощь сам Мазарини, – выразилась ли обеспокоенность хранителя святого престола в каком-нибудь достойном этого случая послании?

– Нет, хотя и должна была бы...

Мазарини позволил себе продемонстрировать крайнее удивление этим фактом и несколько секунд рассматривал папского нунция с почти саркастической улыбкой.

– Зная о вашем невосприятии всяческих булл и прочих посланий, я в беседе с папским статс-секретарем не решился настаивать, чтобы такое послание непременно было подготовлено. Тем более что статс-секретарь решил передать на словах то, что и было услышано им от папы.

– Сомневаюсь, что именно от папы... – как бы между прочим обронил Мазарини. – Но сейчас это уже не важно. Куда важнее другое: вы окажете неоценимую услугу и святому престолу, и статс-секретарю, обеспокоенному по чьей-то настоятельной – не будем уточнять, чьей конкретно, – просьбе; и всей Европе, если, забыв о моей нелюбви к буллам, все же осчастливите меня довольно требовательным посланием.

– Вы просите, чтобы папа письменно потребовал от вас прекратить войну? – налег запавшей грудью на стол нунций Барберини.

– Прошу, причем настоятельно.

– Не боясь резонанса, который появление подобного послания может вызвать в определенных кругах Франции и за рубежом?

– Наоборот, для меня сейчас важен именно тот резонанс, которого в иное время вполне резонно стоило бы опасаться.

Нунций посмотрел на него как на нехстати ожившего апостола Петра.

– Не скрою, святому престолу будет приятно осознавать, что в прекращении войны ему досталась одна из ведущих ролей.

– Точно так же, как мне приятно будет ссылаться на послание и усилия папы римского, умирив этим своих генералов и апеллируя к первым министрам врагов и союзников.

Барберини еще несколько мгновений сидел, напряженно вглядываясь в лицо Мазарини, словно смел заподозрить его в кабацкой шутке. Затем резко поднялся, вынудив тем самым подняться и Мазарини.

– Мне понятна ваша озабоченность, кардинал, – почти торжественно произнес он, постукивая сухими кулачками по краю стола. – Постараюсь донести ее до статс-секретаря, а следовательно, и до папы римского. Уверен, что такое послание появится так скоро, как это позволит нам дипломатическая почта.

2

– Кто еще в этой стране способен на столь величественный жест? – молвил Карадаг-бей, когда ворота его замка отворились и во двор въехала карета Стефании Бартлинской.

– До этого советник хана лично позаботился, чтобы для моравской княгини нашли более или менее сносную польскую карету, из тех, что были доставлены в столицу вместе с трофеями, выкупил ее и подарил. Однако величественность своего жеста он усматривал не в этом.

– Вы решили оставить эту красавицу у себя во дворце? – спросил Хмельницкий.

– Когда я говорил о жесте, то имел в виду, что княгиня прибыла сюда для того, чтобы быть представленной вам, или вы – княгине, как будет угодно. Раз Стефания появилась в моих владениях, значит, она вырвана из рук хана и отдана вам.

– Действительно, благородный жест. Осталось только решить, как им воспользоваться.

– В этих вопросах вы найдете во мне лучшего советника. Если бы не вы, я попросту сделал бы ее своей наложницей, а заупрямилась бы – рабыней. Такой поворот вашего знакомства вас устраивает, господин командующий? – После той их встречи в ресторанчике «Византия» Карадаг-бей называл Хмельницкого только так – «командующий», и Хмельницкий, зная планы советника относительно создания собственной армии, стал называть его точно так же.

У глаз великой княгини уже появились первые, едва заметные морщинки. Складки у губ подлю выдавали ее возраст. Тем не менее Стефания все еще оставалась ослепительно молодой и красивой. Романтическая пышность смоляных волос, два смуглых овала щек с девичьими ямочками посредине делали княгиню особенно смазливой. Очерченные коричневатой линией бантики неярких губ. Античная лаконичность слегка вздернутого носика и глубокая чернота глаз, как бы излучавших какое-то бархатное сияние.

Почти с минуту двое мужчин стояли перед этой женщиной, совершенно онемевшие, словно студенты иезуитского колледжума перед оголенной мадонной. Причем они не просто любовались ею, а потрясенно рассматривали, удивляясь, что то, что они видят, вообще доступно их взору.

– Я еще какое-то время должна постоять перед вами как натурщица перед живописцами, или вы все же пригласите меня в этот чудный дворец, господи? – вежливо поинтересовалась великая княгиня Моравии.

– Прошу вас, княгиня Бартлинская, – первым опомнился Карадаг-бей. Да ему как хозяину и положено было опомниться первым.

На легкий белый тулупчик княгини спадала длинная розовая шаль. Тулупчик был заманчиво коротким, что позволяло видеть высокие голенища белых, расшитых красноватыми узорами сапог. Хмельницкий засмотрелся на них, пытаясь представить себе упрятанные в эту прелестную кожу икры женских ног. Полковник понимал, что сейчас в нем созревает сексуальная фантазия безумца, но это лишь разжигало его фантазию. Стефания как женщина уже давно принадлежала не ему, пятидесятилетнему, поскольку принадлежать ему уже не могла. И в этом заключалась жестокая правда жизни.

– Коль уж я знаю, что вы – Карадаг-бей, только вчера назначенный командующим войсками Крымского ханства, то, следовательно, этот господин – полковник Хмельницкий.

– Так оно и есть, – вежливо склонил голову полковник. – Вот только я не знал о назначении Карадаг-бея командующим.

– Как и я, – признался Карадаг-бей. – Хотя и ожидал.

– Не огорчайтесь. Я услышала эту новость из уст личного секретаря хана Ислам-Гирея. Вам о ней будет объявлено завтра.

Карадаг-бей обрадованно взглянул на Хмельницкого, на стоявших позади него воинов и, не удержавшись, вознес руки к небесам. Впрочем, на его месте точно так же повел бы себя любой европеец, которым Карадаг-бей все еще пытался подражать.

– Тот же секретарь хана поведал мне, что вы, господин Хмельницкий, собираетесь поднять восстание, чтобы объявить Украину независимым государством. Это правда, полковник?

– Считайте, что святая.

– И поступаете так, потому что королевский двор Владислава IV отверг вас?

– В таком случае я выглядел бы перед собой и перед тысячами тех, кто пойдет за мной, чтобы отстаивать право своего народа на собственную государственность, жалким интриганом. Неужели вам видится во мне такой человек, княгиня?

Стефания изучающе прощупала Хмельницкого взглядом, но ничего не ответила. Все время, пока они усаживались за щедро накрытый стол, княгиня тоже упорно молчала.

– Вам ничего не рассказывали обо мне, господин полковник?

– Несколько общих слов о том, что такая княгиня в самом деле существует.

– То есть вы ничего не знаете обо мне?

– Почти ничего. Если не считать восторженных отзывов венгерского князя Тибора.

– Будущего правителя Трансильвании, – кивнула Стефания, загадочно улыбнувшись. – Три года назад я спасала Тибора в своем замке в Моравии, хотя князь Ракоци требовал его выдачи. Или в крайнем случае головы. К слову, голова была предпочтительнее. Как видите, я устояла. Чем могу помочь вам, полковник, будущий король Украины?

– У нас правителей называют гетманами.

– Будущий гетман, – с совершенно искренней улыбкой согласилась Стефания. Во всяком случае, полковник так и не сумел уловить в этой ее улыбке хоть какую-то долю иронии. – Так чем я могу помочь?

Хмельницкий недоуменно пожал плечами.

– Я давал повод задавать подобные вопросы?

– Не удивляйтесь, я задаю их каждому, чья судьба и чьи деяния вызывают у меня интерес. Причем делаю это безо всякого повода.

– Запомню, что в Моравии есть замок, где спасают опальные головы. Если нигде больше в этом мире мне не будет спасения, проберусь к вам. Насколько я понял, вы помогаете тем, что предоставляете приют изгнанным.

– Это не совсем так, – мягко улыбнулась Стефания. – Приют я как раз предоставляю крайне редко. Помощь заключается в другом. Всем опальным мечтателям и странникам я возвращаю надежду на то, что их мечтания сбудутся. А заодно возвращаю им чины, дворянское достоинство, уверенность в своей мудрости и могуществе.

– В таком случае вам не повезло, княгиня, – вмешался Карадаг-бей. – У командующего Хмельницкого уверенности и всего прочего предостаточно. Перед вами не интриган. Точнее сказать, не просто интриган, ибо заниматься созданием государства, не занимаясь интригами, невозможно. В историю своего народа Хмельницкий войдет, как Чингисхан – в историю монголов.

– Вот как? Он настолько сильный и властный человек? – не поверила Стефания, и, судя по всему, тоже искренне. И вопрос прозвучал со всей серьезностью. – Учтите, господин Карадаг-бей, к вашим оценкам я отношусь настолько серьезно, что готова прислушиваться к ним.

– Сильный и властный.

Стефания взглянула на смущенного, приумолкнувшего Хмельницкого с вызывающим интересом и игриво пощелкала языком.

– Считаете, что хотим убедить вас только на словах? – не сдержался полковник. – Прибудете в Украину через три года и сами убедитесь.

– Значит, вы действительно сильный и властный? В таком случае, ничем не смогу быть вам полезной. В мое окружение попадают только павшие духом. Видно, так уж мне суждено. Не зря же с некоторых пор меня называют «королевой отверженных».

– Даже так? «Королевой отверженных»? Что ж, такого титула удостоиться тоже непросто, его надо заслужить. Видно, каждый несет на себе тот крест, который взвалил.

– Уже через несколько дней я готова отправиться вместе с вами в Украину. Поможете мне проехать через дикие степи и через украинские воеводства, чтобы я смогла спокойно добраться до Кракова, где меня ждут влиятельные родственники. А уж оттуда подамся в Моравию.

– Сабель со мной немного, княгиня. Но отныне все они принадлежат вам.

– В том числе и ваша? – негромко уточнила Стефания, и взгляд ее задержался на Хмельником чуть дольше, чем следовало бы.

Этот-то взгляд и пробудил в нем отчаянность, которая заставила полковника молвить себе: «Ты не отступишься от этой женщины. Ты не отступишься от нее никогда! Возможно, она и есть тот крест, который тебе предначертано нести до Судного дня».

Как раз в эту минуту Карадаг-бей попросил извинения и, сославшись на спешные дела, позволил себе на несколько минут отлучиться. Хмельницкий еще не мог понять, чем продиктовано поведение великого визиря ¹ К?рыма, но ясно было, что тот явно помогал ему и Стефании сойтись как можно ближе. Что с его стороны действительно выглядело жертвенно.

– Говорят, вы тоже принимали участие в восстании против Габсбургов, – спросил полковник.

– Я несколько запоздала к его началу. В силу своего возраста. Зато мой род пожертвовал для чешской освободительной армии несколькими офицерами, которые в 1619 году вели чешских воинов к предместьям Вены ². Столицу Австрии взять им не удалось, как и выиграть войну, поскольку очень некстати против нас выступили Речь Посполитая и молдавский господарь Грациани ³.

– Не говоря уже о том, что австрийских Габсбургов поддержали военной силой Габсбурги испанские, а также баварцы во главе со своим герцогом Максимилианом ⁴ и, наконец, Ватикан. В то время как у Чехии оставался один-единственный реальный союзник – Трансильвания.

– Да вы, оказывается, неплохо знакомы с историей нашего освободительного движения! Не ожидала.

– Поскольку оно стало частицей истории Тридцатилетней войны. Ведь началась-то она с ваших полей сражений.

– Вы... опытный воин.

– Хотели сказать: «старый воин».

Стефания мягко улыбнулась и, слегка подавшись в сторону Хмельницкого, который сидел справа от нее, едва притронулась пальцами к его руке.

– Вы правы. Хотелось сказать именно так, мой старый воин. – Ямочки на смуглых щеках стали еще привлекательнее. Улыбка буквально преображала лицо княгини, делая его невероятно красивым. По крайней мере так казалось в эти минуты самому Хмельницкому. – Достаточно старому для того, чтобы принимать участие в этой, затеянной вами, войне. И таким образом хоть как-то влиять на ход событий в Чехии. Вряд ли я ошибусь, предположив, что в

¹ Великий визирь был командующим войсками ханства.

² В 1619 году повстанческая армия чехов действительно достигла предместий австрийской столицы Вены и готовилась к штурму, однако выступление Польши на стороне Габсбургов, как и относительная слабость чешской армии, не позволили повстанцам приступить к штурму мощных укреплений Вены.

³ Молдавский воевода Грациани претендовал на земли Трансильвании. Кроме того, задавался целью свергнуть трансильванского правителя Бетлена Габора. Однако осуществить эти планы ему не удалось.

⁴ Баварский герцог Максимилиан возглавил образовавшуюся в ходе Тридцатилетней войны Католическую лигу, в которую вошли Австрия, Испания и Ватикан. При этом лига пользовалась поддержкой Польши.

Тридцатилетней войне вы участие тоже принимали. Если это не тайна, на чьей стороне? Слуга наполнил бокалы вином, и они понемногу отпили, не дожидаясь возвращения Карадаг-бея. Вино оказалось терпковато-сладким, совершенно непохожим на шелковистые напитки, взлелеянные богами на холмах Греции, которыми угощал его в «Византии» князь Кремидис.

– Какое прекрасное венгерское вино, – развеяла его сомнения Стефания. – Однако о вине – потом. Признавайтесь, признавайтесь, мой старый воин. На чьей стороне вы сражались в Тридцатилетней войне?

– Вы не должны требовать этого рассказа, поскольку догадываетесь, что сражаться я мог только в составе польской армии. А она поддерживала вассала польского короля, господаря Грациани, которого, в свою очередь, ненавидел турецкий султан, добивавшийся, чтобы на молдавский престол взошел воевода Радул.

– Какое счастье, что мы с вами не сражались, находясь во враждебных лагерях.

– Однако султан действовал очень решительно. В 1621 году он двинул в Молдавию свои войска во главе с Искандер-пашой. Объединившись с белгородской ордой, турки предстали перед нами сильной армией, которая разгромила нас под деревней Цецорой, что неподалеку от Ясс.

– Так вы сражались под Цецорой?! Я слышала об этом жесточайшем сражении. Наше отношение к Турции, – чуть приглушила Стефания голос, – вам, конечно, известно, тем не менее следует признать, что под Цецорой они сражались храбро и умело.

– Настолько умело, что в этом сражении погиб мой отец, сотник, то есть капитан реестрового казачества. Сам же я оказался в турецком плену. Но откуда вам, женщине, знать о подобных битвах?

– Нет-нет, самой мне водить полки в бой не довелось. О Цецоре известно всего лишь по рассказам отца и дяди. Они очень радовались поражению Польши. Не потому, что считали турок своими союзниками, а потому, что Грациани, поддерживаемый Турцией, был врагом нашего союзника Бетлена Габора, на которого чехи готовы были молиться.

– В какую странную завязь сплелись все те пути, которые свели нас в столице Крыма! – задумчиво молвил Хмельницкий. – Ваше знакомство с князем Тибором Ракоци конечно же является продолжением союза моравских князей с трансильванской династией Ракоци? – он спросил об этом не только из желания выяснить политические мотивы знакомства Барглинской с князем Тибором. Куда больше полковника интересовало, что конкретно связывает лично Стефанию с этим молодым авантюристом.

– Не скрою, если нам удастся добиться, чтобы на трон Трансильвании взошел князь Тибор, то Чехия получит надежного союзника в будущей борьбе. Но только, знаете, о чем я сейчас подумала? Князю Тибору не хватает той уверенности и решительности, с которыми начинаете свое движение в Украине вы.

– Но за ним нет и той могучей воинской силы, которая сможет поддержать меня, то есть силы, подобной Запорожской Сечи, – попытался полковник быть справедливым в отношении своего соперника. – Это-то и сказывается на его положении, его неуверенности в успехе.

Стефания едва заметно улыбнулась, давая понять, что сумела оценить благородство собеседника. Но тотчас же огорчила Хмельницкого, не пожелав больше рассуждать по поводу своих отношений с опальным венгерским князем.

3

Князь Тибор был разочарован. Приезд княгини Стефании Бартлинской почти не сказался на отношении к нему при дворе Ислам-Гирея, где, несмотря на ужин с ханом в «Византии», его по-прежнему воспринимали со скептической снисходительностью как человека, за которым никто и ничто не стоит.

Он был бы еще больше разочарован, если бы точно знал, почему оказался тогда в «Византии». Когда в конце вечера, во время которого немало было молвлено о союзе Крыма и Украины, гетман Хмельницкий поинтересовался, почему на нем присутствует опальный трансильванский князь, Карадаг-бей, со свойственной ему загадочной откровенностью, объяснил:

– Чтобы при дворе турецкого султана узнали от этого странствующего рыцаря, удостоенного моего приема, о чем в действительности шла речь во время встречи атамана казаков с крымским ханом.

– То есть здесь было сказано только то, что достойно ушей султана?

– Не сказал бы, – возразил Карадаг-бей. – Но то, что их недостойно, очень часто оказывается выгодным для тех, кто не желает укрепления Ислам-Гирея на бахчисарайском престоле.

– Разве сейчас в «Византии» присутствуют и враги Ислам-Гирея?

– А разве непрочность ханского престола обязательно доставляет удовлетворение только лютым врагам хана? Очень часто шаткость важна как непрочные, но все же ступени, ведущие в дальновидную политику.

Но, даже не догадываясь, кто именно является «невольными ушами турецкого султана» и «одной из шатких ступеней» обманчивой политики, неискушенный в государственных делах князь Тибор имел все основания молчаливо обижаться. Это он, узнав из письма, переданного ему трансильванским посланником в Крыму, о прибытии княгини, по существу, подготовил Бахчисарай к ее приему. Стефания удостоила его лишь очень краткой аудиенцией в замке Карадаг-бея, где временно размещалась ее «походная», как она выразилась, резиденция.

– Я удивлена, князь. Оказывается, вы избрали Турцию страной своего изгнания? – покровительственным тоном сочувствующей императрицы спросила Стефания, избегая какого-либо светского вступления в беседу. И даже не поинтересовавшись, как он оказался в Татарии.

– Меня никто не изгонял, княгиня.

– Я сказала: «добровольного изгнания».

– Это не изгнание. Я отправляюсь в Стамбул, чтобы просить помощи и поддержки для того дела, которое задумал в Трансильвании.

– И кого же, по вашему замыслу, должен будет поддерживать султан?

– Меня, естественно.

– Понимаю, – снисходительно улыбнулась княгиня. Она была значительно старше Тибора и могла позволить себе даже эту улыбочивую снисходительность. – Султан и все его министры будут весьма удивлены, узнав, что род Ракоци осчастливлен еще и таким, столь дерзким, его представителем.

«Да она попросту издевается надо мной! – закралось в Тибора подозрение. – Или же решила не рисковать, связываясь с опальным князем из рода Ракоци».

– Но в Стамбуле тут же поинтересуются, кто, собственно, стоит за вами. Кроме меня, естественно, – поспешила она исключить себя из этого разговора.

– За мной пока никто не стоит, вам это известно. Однако со временем там будут стоять весьма влиятельные личности.

– А почему это за вами до сих пор никто не стоит? Ведь замысел ваш возник не в день отъезда из Трансильвании.

– Так поступают все претенденты. Вначале они ищут поддержки при дворе одного из влиятельных соседей, который мог бы поддержать его золотом и саблями, а затем уже... К примеру, вместе со мной здесь находится полковник Хмельницкий, прибывший от запорожских казаков. Так он ищет поддержки даже не в Стамбуле, а в Крыму.

Стефания рассмеялась.

Их встреча происходила на смотровой площадке башни, с которой открывался вид на горное ущелье. Перевал гасил холодные ветры, прорывавшиеся с моря, и хотя там, наверху, верхушки деревьев гнулись под его напором, здесь, в уютном подковообразном каньоне, царило солнце, бредили ранней зеленью жидковатые кустарники и настраивали голоса на свадебные концерты взволнованные теплом и инстинктами птицы.

– Что вас так рассмешило, княгиня? – едва сдерживал горделивую обиду князь Тибор. Несмотря на разницу в возрасте и на то, что княгиня Бартлинская когда-то спасла ему жизнь, он все же требовал, чтобы с ним держались на равных.

– Конечно же ваши неубедительные аргументы, Тибор.

– Какие именно?

– Вы ведь сами сказали, что Хмельницкий представляет здесь казаков. Вам нужно объяснить, что такое запорожское сечевое воинство? В Стамбуле вам разъяснят сие намного лучше. К тому же вы назвали его чин – полковник. Причем полковник, имеющий большой военный и дипломатический опыт. А главное, он – Хмельницкий! – неожиданно добавила Стефания, стараясь произносить эти слова чуть тише и задумчиво всматриваясь в склон горы.

– Он Хмельницкий, а я – князь Тибор Ракоци.

– Увы, пока что вы только Тибор. Ракоци – тем, настоящим князем Ракоци, от одного имени которого вздрагивает вся Трансильвания, – вам еще только подлежит стать. Поэтому мой вам совет: возвращайтесь в свою Трансильванию и начинайте восхождение оттуда. Стамбул принимает тех, кого принимает его собственная страна, ее королевский двор. За кем уже возвышается воинская сила. Но стоит ли какая-либо сила за вами, Тибор? – умышленно избегала Стефания употреблять слово «князь».

Венгр удрученно промолчал. Что-то произошло с этой чешской авантюристкой. Он ожидал увидеть ее совершенно иной, слышать совершенно иные речи. Мало того, князь даже надеялся, что ему удастся уговорить княгиню вернуться с ним в Стамбул, чтобы потом вместе, но уже через Боснию и Сербию, прибыть в Трансильванию, попутно собрав под свои знамена трансильванских эмигрантов и хотя бы небольшой отряд турок.

Но, самое главное, на что рассчитывал Тибор, – что ему удастся жениться на княгине. Разница в возрасте его совершенно не смущала. Именно эта разница и должна была толкнуть Стефанию в его объятия. Тибор знал, что политические страсти в Чехии более или менее улеглись и что там княгиню ждет имение в Западной Моравии и небольшой замок возле Градца-Карлового. Оказавшись владельцем этого замка и превратив его в настоящую крепость – уж об этом Тибор позаботился бы в первую очередь, – он мог бы постепенно подступаться не только к престолу Трансильвании, но и к чешскому. Его высородная кровь вполне позволяла претендовать на любой трон Европы. Ведь был же в свое время трансильванский князь объявлен польским королем Стефаном Баторием! И поляки до сих пор чтут его как великого правителя.

– Мне кажется, вы слишком увлечены этим украинским полковником, княгиня, – насмешливо упрекнул он Бартлинскую.

– Не вам судить об этом, Тибор.

– Почему же не мне?

– У вас нет для этого права.

– Извините, княгиня, я так не считаю.

Черные крылья бровей княгини Бартлинской воинственно поползли вверх и замерли на самом высоком взлете. Ей не раз приходилось выслушивать объяснения в любви и заманчивые предложения мужчин. Но не в такой ситуации и не с таким «запевом».

– Вы могли бы выражать свои мысли еще более туманно, Тибор, а то я начинаю слишком хорошо понимать вас.

Князь нервно подергал эфес короткой сабли, угрюмо пошевелил челюстями, словно пытался раздробить зубами сросшиеся, окаменевшие слова, которыми надеялся расчувствовать чешку.

– ...И все же, княгиня, мне бы очень хотелось, что бы вы отправились вместе со мной в Стамбул.

Бартлинская ничего не ответила, что позволило венгру на его ломаном немецком, на котором они общались все это время, описать все прелести путешествия, задуманного им. Вплоть до возвращения в Трансильванию через чудные долины Боснии и Воеводины. Однако все его старания оказались напрасными. Стефания не говорила «нет», но было ясно, что отправляться с ним назад, в Турцию, не имела никакого желания.

– Я понимаю, вы только что побывали в Блестящей Порте и ваше возвращение туда...

– Причем здесь Блестящая Порта, князь Тибор? – рассеянно перебила его своенравная чешка.

– Как? Но ведь мы же говорим сейчас о Турции. О том, чтобы вы, вместе со мной...

– Мы говорим не о Турции, а о том, чтобы «вместе с вами»... Вот в этом-то и вся суть. Я не решусь отправиться с вами даже на прогулку вон в то прелестное ущелье, на склонах которого, как видите, разгорается охота.

Из ущелья действительно доносились ружейные выстрелы, в перерывах между которыми, очевидно, пели тетивы луков. Однако любое отвлечение от темы разговора лишь раздражало Тибора.

– Но почему, княгиня?

– Лучше изложите то главное, ради чего начали разговор.

– Главное? А что вы считаете главным? – совершенно растерялся князь.

– Ну да, главное. Ведь не ради вояжа в Турцию вы приглашаете меня в это путешествие. И не ради того, чтобы я упрашивала турецких министров помочь вам воинами и деньгами. Вы же знаете, что я не стану упрашивать, тем более что сама недавно представала перед ними в роли просительницы.

– Вы правы, княгиня, – только сейчас понял, к чему клонит и чего требует от него Королева отверженных. – Если говорить откровенно, я давно влюблен в вас... И мне бы очень хотелось, чтобы вы... Понимаете... Словом, я прошу вашей руки, княгиня Бартлинская.

– Вот видите, Тибор, всегда нужно начинать с главного. Тогда многое второстепенное сразу же оказывается лишним. Если бы вы начали с «моей руки», то очень скоро поняли бы, что она вам не достанется. Никогда и ни при каких обстоятельствах. И тогда все красоты Турции, Боснии и Воеводины, которые вы только что живописали, вам уже не понадобились бы. Вернее, они уже не привлекали бы вас. Я не слишком обидно отвергаю ваши притязания на мою руку?

– Не слишком, – зло проворчал Тибор, не собираясь прощать ей оскорбительные вольности. – Многие женщины Европы почитали бы за честь...

– Не зря же меня называют «Королевой отверженных».

– Вас называют так по совершенно иной причине, – обидчивость являлась не лучшей чертой этого претендента на трансильванский престол. И княгине давно был знаком этот недостаток. Удивляло другое: шли годы, князь вырос, однако набираться мудрости общения так и не собирался. Стефанию это не столько удручало, сколько сугубо по-матерински удивляло. Ведь пора бы уже, пора...

– Причины, по которым меня называют так, а не иначе, – отрубила княгиня, – известны только мне. В том, истинном толковании, которое всем остальным недоступно...

4

– Вы знали, что мне наносил визит князь Тибор? – Стефания присоединилась к Хмельницкому, который решил осмотреть окрестности замка Карадаг-бея.

– Знал, конечно.

– Так совпало, что визит этот состоялся как раз накануне вашего отъезда. Он как-то скажется на наших отношениях?

– Вся наша жизнь состоит из визитов и приемов, – не слишком жизнерадостно поведал Стефании гетман. – Почему к приезду сюда некоего князя я должен относиться с особой предвзятостью?

Княгиня расстегнула свой короткий тулупчик, под которым Хмельницкий мог разглядеть европейский костюм наездницы, какие приходилось видеть только во Франции. Даже в более или менее цивилизованной Польше представлять перед мужчинами в подобном, почти мужском, одеянии женщины не решались. Точнее, решались не все, кроме француженок. В седле она тоже держалась по-мужски, привычно и уверенно.

Поднявшись вслед за полковником на горную кручу, она остановила своего коня буквально на краю обрыва, с которого несчастное животное могло сорваться от любого неосторожного движения. Однако сама Стефания словно бы не замечала опасности. Это конечно же была игра на нервах полковника и своих собственных. Но какое убийственное, роковое хладнокровие!

Пока Хмельницкий нервно посматривал на ноги ее коня, княгиня любовалась открывавшимся ей пейзажем: горная долина завершалась в этих местах узким ущельем, к которому подступало несколько татарских хижин под красной черепицей. И селение, и само ущелье казались бы совершенно вымершими, если бы не журчание ручья, зарождавшегося из двух горных родников и лениво стекавшего по огромным камням, чтобы исчезнуть где-то в дебрях кустарниковой россыпи.

– Вы не станете возражать, полковник, если я присоединюсь к вам, чтобы вместе преодолеть хотя бы путь, оставшийся до Перекопа?

– Думаю, что самый опасный участок вашего путешествия начнется уже за Перекопом, где шайки степняков не сдерживает даже призрачная власть местного мурзы и где золотой жетон султана стоит не больше, чем старая попона из-под татарского седла.

– То есть вы приглашаете меня разделить скуку вашего путешествия до самой Сечи?

– Думаю, что могу провести вас даже на тридцать-сорок миль дальше этой степной цитадели. До тех пределов, до каких показываться мне уже небезопасно.

– Вы необычайно добры ко мне, полковник. Не исключено, что я приму и это ваше приглашение. Я знаю, какой вопрос вас волнует.

– Это вы о чем?

– Вас интересует, каковы мои отношения с князем Тибором.

– Каковы же ваши отношения с князем Тибором? – в тон ей спросил полковник и, не выдержав пытки нервами, нагнулся и, осторожно захватив коня за узду, отвел от края гибели.

Стефания восприняла этот жест совершенно спокойно, словно и не заметила старания и усилий полковника.

«Не может быть, чтобы женщина вела себя с таким безразличием к судьбе, – мелькнуло где-то в глубине его сознания. – Но еще больше это не похоже на притворство».

– Только вчера я отказалась стать его женой. Такой лаконизм вас удовлетворит?

– Вы? Его женой?!

– Почему вы переспрашиваете об этом с... таким ужасом?! – притворно возмутилась Стефания. – Хотите сказать, что я уже вообще ни на что не гожусь? Даже в жены?

– Да нет, я... Просто неожиданно как-то.

– Прощаю. Выкрутились.

Хмельницкий прикинул разницу в возрасте Стефании и Тибора и удивленно покачал головой. Он чувствовал, что Тибор восхищен княгиней, и понимал, что без флирта там не обошлось, однако не предполагал, что намерения молодого князя могут зайти столь далеко.

– Не утруждайте себя подсчетами, – рассмеялась Стефания, обратив внимание на то, как слишком уж напряженно молчит ее собеседник. – В матери Тибору еще не гоже, но ведь и он просил меня не об усыновлении.

Они оба сдержанно рассмеялись. Двое повидавших жизнь и знающих ей цену людей – они могли бы спокойно порассуждать о том, что такое «порывы души» и как часто они не согласуются с реалиями жизни. Могли бы, если бы в их отношениях не просматривалась то же возрастное несовпадение, которое погубило намерения князя Тибора.

– А ведь я вдруг с ужасом подумал, что и сам вряд ли смогу удержаться от предложения...

– Что вы холосты, я уже знаю. Сообщил ваш сын. Не мне, естественно. Кстати, вы могли бы и сами познакомить меня с Тимошем. Не пойму, почему вы держите его в заезжем дворе, вдали от замка Карадаг-бея?

– Он находится вместе с остальными казаками. Со мной только оруженосец.

– Суровый отец. Однако мы отвлеклись. Кажется, вы храбро заявили, что собираетесь делать мне предложение?

– Мне же кажется, что вы собирались отказать, вежливо сославшись на более важные дела, нежели замужество. На государственные... дела.

Несколько минут Стефания молчаливо спускалась по склону, едва удерживая коня. Но как только миновали каменистую тропу и впереди показался поросший травой склон, она прищипнула рысак и, огласив окрестности воинственным кличем воинов своей земли, сломя голову понеслась вниз, далеко обогнав при этом не только Хмельницкого, но и двух оруженосцев, Савура и Власта.

Гетман сумел догнать княгиню лишь недалеко от замка. Подпустив его довольно близко, Стефания перегнулась в седле и признательно потерлась плечом о его плечо, словно благодарила за то, что он не заставил ее въезжать в эту мрачную татарскую цитадель в одиночестве.

– Не повторяйте своего предложения, – вполголоса, умоляюще попросила она. – Не заставляйте меня отвечать прямо здесь и сейчас.

Хмельницкий обиженно пожал плечами.

– Вы ведь понимаете, что судьба наша складывается каким-то непостижимо сложным образом.

– Вы украли все мои оправдания, княгиня.

– Вы правы! – рассмеялась Стефания. – И потом, мы ведь еще вернемся к этому разговору, разве не так? Не здесь, конечно, не в азиатской степи.

* * *

Вновь оказавшись в замке, Хмельницкий вдруг почувствовал, что весь его интерес к Крыму исчерпан и каждый час, который он проводит поблизости от Бахчисарая, безнадежно потерян для него. Полковнику хотелось поскорее вернуться в свой лагерь на днепровском острове, осмотреть повстанческие отряды, сформированные полковником Кривоносом за время его отсутствия, приступить к их обучению... В эти дни он много размышлял о том, как из наспех сколоченных отрядов создать настоящую, хорошо обученную армию. Пусть небольшую по численности, но готовую противостоять полякам в конном и пешем бою.

– Уверен, что последние проведенные у меня часы не покажутся вам столь тягостными, когда вы познакомитесь с моим учителем фехтования, – появился в покоях Хмельницкого,

расположенных в северном крыле замка и соединенных с центральной частью переходным мостиком, Карадаг-бей.

– Два урока фехтования, полученных у этого мастера, стоят участия в двух победных сражениях.

– Это хорошо, что у вас есть свой учитель фехтования, – охотно расстался со своим лежищем полковник. – Он татарин?

– Перс. Мне купили его в Стамбуле, почти как пленного, за сугубо символическую плату. Ни тот, кто продавал, ни тот, кто покупал, представления не имели о даре фехтовальщика, которым обладает этот человек. Один такой воин заменит на поле боя десять ваших казаков.

Хмельницкий недоверчиво хмыкнул.

– Скажем, пятерых татар, – смиловился Карадаг-бей, не желая унижать своего нового союзника.

Только сейчас гетман узнал, что владелец замка до сих пор скрывал от него существование специального гимнастического зала, в котором, между потолком и полом, были подвешены несколько чучел, в том числе и чучело всадника. А еще здесь располагался целый арсенал всевозможного оружия – от старинных двуручных немецких мечей до турецких ятаганов и английских палашей. Одних кинжалов – разной величины и конфигурации, с невообразимо красивыми рукоятками – было развешано на коврах более ста пятидесяти. Здесь же, на специальных подставках, лежали кистени, булавы, боевые секиры... Этой коллекцией можно было любоваться целый день напролет. Но создавал ее хозяин явно не для развлечения гостей.

– Сколько поколений вашего рода собирало весь этот арсенал? – удивился Хмельницкий.

– Те же три поколения, которые возводили этот замок. Каменный, как вы заметили, в отличие от глинобитного двора хана.

– Это уже одобрено нами. Приятно удивлены.

– Но самым ценным оружием в этой коллекции является мой главный фехтовальщик, которого я считаю лучшим в мире.

– В мире?

– А кто и каким образом способен оспорить это мнение? – улыбнулся Карадаг-бей.

– Тоже верно.

Убедившись, что полковник согласен с его мнением, Карадаг-бей хлопнул в ладоши. Тотчас же открылась замаскированная небольшим ковром дверь, и оттуда появился невысокого роста худощавый воин – бритоголовый, одетый так, как обычно одеваются татары. Некогда довольно симпатичное полуевропейское лицо его было рассечено тремя шрамами, глубокими и безобразными.

Глядя на них, Хмельницкий подумал, что эти шрамы и есть та истинная плата, которую Гурлал – так звали перса – заплатил за свое мастерство. Хотя, с другой стороны, трудно убеждать кого-то в своем исключительном мастерстве фехтования, имея такие отметины на лице. «Интересно, – подумалось полковнику, – было бы взглянуть на него оголенного».

Вначале Гурлал упражнялся с чучелами. Юлой вертясь между ними, он тупой фехтовальной саблей наносил удары налево и направо; в каком-то невероятном прыжке врубался в шею всадника, с разворота отсекал голову пехотинцу, и тут же, провертевшись почти у самой земли, подсекал ноги другого врага. А, поднимаясь, успевал метнуть в чучело невесть откуда появившийся в его руке нож.

Хмельницкий был потрясен. Но еще больше он восхищался, видя, как перс воспроизводит все это в схватке с тремя татарами, тоже, в общем-то, не последними фехтовальщиками Татарстана. Прыжки, подкаты, удары с разворота и во время непостижимых по своей замысловатости кувырков...

Все это наводило на мысль, что его, Хмельницкого, собственное умение фехтовать, которым он не раз поражал казаков и во время тренировок, и в бою, – всего лишь размахивание

саблей жалкого неуча. Только сейчас ему открылось такое искусство сабельного боя, которое совершенно перевернуло его представление о боевой схватке и человеческих возможностях.

Вооружившись, Хмельницкий все же попробовал вступить с персом в схватку, но на втором взмахе Гурлал остановил его палаш своей саблей и в следующее мгновение выбил его ударом ноги. Да так, что палаш подлетел к потолку.

– Вы напрасно растревожили меня, Карадаг-бей, – признал Хмельницкий. – Постичь эту науку я, очевидно, уже не в состоянии. Но и верить в себя как в фехтовальщика с этого дня тоже не смогу.

– Не огорчайтесь, полковник. Каждый раз, когда этот пленник таким вот образом обезоруживает меня, в голову мне приходят точно такие же мысли.

– Как такой человек способен попасть в плен?

– С остатками гарнизона, который был сдан его командиром в небольшой крепости под Басрой.

– Только так и можно объяснить появление этого стального барса среди пленников, – признал Хмельницкий. – Нет, Карадаг-бей, вы не должны были показывать этого фехтовального шайтана. Разве что хотите сторговать его мне. С удовольствием приму как дар или выкуп, пустив шапку по кругу через все свое войско.

– Вы не так поняли меня, – мягко улыбнулся Карадаг-бей. – Я всего лишь показал вам, полковник, кто станет обучать вашего сына, когда потянутся томительные дни его пребывания в Бахчисарае.

– Моего сына? Я еще надеюсь, что он отбудет из Крыма вместе со мной. – Молвив это, Хмельницкий настороженно взглянул на командующего войсками хана и заметил, как в глазах того вспыхнул какой-то странный, холодновато-презрительный огонь.

– Не уверен, что ему удастся отбыть вместе с вами, полковник. Хан не откажется от заложника.

– Вы уже наверняка знаете, что не откажется?

– Уже знаю, – проворчал Карадаг-бей.

– И никак нельзя изменить ход этих событий?

– Нельзя, поскольку он предопределен свыше. А что вас так удивляет, полковник? Неужели вы не понимаете, что, посылая войска в стан своего давнишнего врага – казаков, хан потребует гарантий?

– В общем-то, предполагал.

– И потом, почему вдруг вы захватили с собой сына? Что заставило вас пойти на этот шаг?

– Тимош был со мной на Сечи, и мне не с кем было его оставить.

– Лжете, полковник, лжете! Вы преспокойно могли оставить своего юного сына в любом казачьем зимнике или передать на попечительство любому из старых запорожских казаков. Вы привезли его сюда только для того, чтобы использовать как предмет торга. Вы брали его в Бахчисарай, отлично понимая, что ведете нам заложника, которому вряд ли удастся выбраться отсюда, поскольку война затевается в союзе с татарами, не привыкшими к обычным войнам. Их девиз: налетел, ограбил – и беги в крымские степи.

Вместо того чтобы решительно возразить Карадаг-бею, полковник лишь устало, затравленно взглянул на него и, отшвырнув фехтовальное оружие, вышел из зала.

Он прав, этот чертов татарин. Конечно же прав. Однако какой жестокостью нужно обладать, чтобы плеснуть этой ослепляющей правдой прямо в глаза! Как не по-людски это получилось.

«А подставлять собственного сына в качестве ханского заложника, по-твоему, по-людски? – с не меньшей жестокостью упрекнул себя полковник. – Если ты так считаешь, то попробуй убедить в этом Карадаг-бея и казаков, которые, отправляясь с тобой в это странствие, прекрасно понимали, зачем тебе понадобился Тимош. И понимают, почему в эти дни ты ста-

раешься как можно реже бывать с ним. Дабы парнишка уже сейчас привыкал жить без тебя, в окружении татар. Зная, что отца рядом нет, и в ближайшие годы не будет».

Чтобы как-то успокоиться, Хмельницкий вышел на смотровую площадку и несколько минут стоял там, подставив лицо северному ветру, прорывавшемуся, возможно, откуда-то из низовий Днепра, ветру его родины.

Карадаг-бей неслышно остановился в двух шагах от него, чуть позади, однако одиночества не нарушал. Их молчаливое противостояние продолжалось до тех пор, пока вдруг привратник ни сообщил, что появился гонец от хана.

«Он таки накликал беду, – сжалось сердце полковника. – Без него, воителя, здесь не обошлось».

– Светлейший Карадаг-бей, – молвил гонец, не обращая внимания на стоявшего рядом Хмельницкого. – Наисветлейший хан повелел вашему гостю прибыть завтра после обеда в его дворец. Великий хан соизволил принять этого чужеземца.

– Передай хану, что полковник Хмельницкий, вместе с офицерами, которые сопровождают его, припадает к ногам повелителя Крыма, – сухо, бесстрастно, не вкладывая никакого особого смысла в свои слова, проговорил Карадаг-бей и победно оглянулся на замершего Хмельницкого.

«А вот и развязка. Именно та, которой ты опасался», – говорил его взгляд.

5

– У ворот какой-то моряк, графиня, просится в замок.

– В мой замок не может проситься «какой-то моряк». Прежде чем войти ко мне с этим докладом, шевалье, вы обязаны точно знать, кто этот моряк, почему оказался у замка Шварценгрюнден, кто его послал, а главное, откуда ему известно, что я здесь. Ведь прибыла я только вчера вечером.

– Его зовут Кшиштофом, испекли меня молния святого Стефания. Он больше поляк, нежели француз, но служить изволил на французском корабле «Святая Джозефина».

Название показалось Диане де Ляфер знакомым. Когда-то ей уже приходилось слышать его.

Почти весь день графиня, вместе с шевалье де Куньяром, осматривала выдолбленный в скале «Тайный зал для посвященных», два подземных хода, ведущих из него через гранитное тело горы – один к реке, другой в лес; подземелье, пронизывающее остальную часть плато, на котором высился Шварценгрюнден... А теперь, при свете предзакатного солнца и двух святильников, она сидела над старинным планом замка, составленным его строителями и дополненным теми, кто достраивал, перестраивал и укреплял Шварценгрюнден.

– Что это за корабль, де Куньяр? Ты что-нибудь слышал о нем?

– Почему вас заинтересовал корабль, графиня? – со свойственной ему бестактностью спросил шевалье, громокая голосом словно мешком, набитым старыми подковами. – Сюда, испекли меня молния святого Стефания, прибыл не корабль, а моряк. Который всего лишь уверяет, что он служил на этом корабле, а потому желает поговорить с владелицей замка.

– Будь вы чуточку умнее, верный хранитель Шварценгрюндена, вы бы сами поинтересовались, что это за «Святая Джозефина». Тем более что всякие святые – Стефании, Джозефины и прочие – по вашей части. Впрочем, черт с ним, впустите этого Кшиштофа. Вдруг он что-нибудь знает о Гяуре.

– Я подумал о том же, – тяжело просопел де Куньяр. – Что ни говори, а Кшиштоф все же поляк.

– Но если окажется, что и этот прибыл по совету новоявленных братьев рыцарского ордена тамплиеров, – сбросьте его со стены, – остановила она управителя замки уже около двери.

– Кто только не оступался на стенах нашего богоугодного замка, – пожал могучими, затянутыми в куртку из толстой кожи, со множеством кольчужных побрякушек, плечами де Куньяр.

Графиня отложила в сторону план замка и, подойдя к камину, несколько минут стояла над ним, глядя прямо в огонь и грея озябшие пальцы. Весна в этом году была затяжной. Она то одаривала теплом, то вновь буравила так, словно вот-вот должны были вернуться рождественские морозы. Однако это не помешало Диане оставить более теплый и уютный дворец графа де Корнеля в Париже и прибыть на несколько дней сюда, в мрачный Шварценгрюнден.

Бывали времена, когда интерес Дианы де Ляфер к тайнам тамплиеров резко угасал, однако каждый раз случалось нечто такое, что заставляло ее вновь и вновь обращаться к святилищам этого ордена. При чем привлекала ее не столько возможность обнаружить сокровища, сколько сами авантюры, связанные с их поиском.

Вот и недавно один из архивариусов короля, с которым графиня завязала небескорыстную дружбу, неожиданно представил ей доклад некоего тайного осведомителя короля Филиппа Красивого, одного из тех, кто в течение двух лет выслеживал высших руководителей ордена, составляя для будущих следователей по их делу тайное досье. Так вот, в этом докладе ясно было сказано, что определенная часть сокровищ все же припрятана тамплиерами в замке

Шварценгрюнден. Это был неприкасаемый запас ордена на тот черный день, в пришествие которого магистр его и казначей ордена не верили, но к которому тем не менее готовились.

«Видно, так уж прокляты мы судьбой – всю жизнь гоняться за сокровищами тамплиеров», – извиняющимся тоном сообщила она супругу, от которого уже не считала необходимым скрывать свое пристрастие.

– Если вы войдете в историю Франции как открывательница величайшей из ее тайн, это не оскорбит ни меня, ни род Корнелей, – со свойственной всякому дипломату вычурностью смирился с ее причудой помощник министра иностранных дел.

Он давно понял, что семейная жизнь их не удалась, и был рад, что фантазию его прелестной супруги куда больше занимают исторические авантюры, нежели амурные истории. И считал, что должен быть признателен ей за это. Он ожидал худшего. Особенно с тех пор как во Франции находился князь Гяур.

* * *

Кшиштофу было около тридцати пяти. Среднего роста, худощавый, жилистый, с грубоватым обветренным лицом – он и впрямь смахивал на одного из тех морских бродяг, которых Диане не раз приходилось видеть в портовых городах Франции и Польши и по отношению к которым берег оставался таким же неприветливым, как и море.

– Как вы осмелились явиться сюда? – сурово спросила графиня, все еще стоя у камина и лишь слегка повернув лицо к вошедшему.

– У меня не было иного выхода. То, что меня привело к вам, могло привести только к вам. Никто иной помочь мне в этом деле не сможет.

– Откуда вам известны мое имя, мой замок? И вообще поторапливайтесь, у меня не так много времени, чтобы терять его на всякого проходящего мимо замка Шварценгрюнден скитальца.

– Лучше всего мне было бы увидеться с князем Гяуром.

– Он – в Польше. Несмотря на то, что всем кажется, что он все еще здесь – за этими стенами. Что еще?

– Но даже если бы мне пришлось увидеться с генералом, все равно я искал бы возможности поговорить с вами.

– Шевалье, принесите вина. – Графиня подошла к столу, с сожалением взглянула на так и не открывшийся ей план замка и, свернув его, отложила на небольшой, стоявший на окне, сундучок, в котором этот пергамент хранился.

Вино было принесено, де Куньяр, не спрашивая разрешения, уселся за стол рядом с моряком и наполнил все три бокала.

– Мне казалось, что нравы этого замка куда суровее, – почти залпом выпил свое бургундское Кшиштоф. – Какое приятное заблуждение!

Вино сразу же взбодрило моряка и сделало в его глазах хозяев Шварценгрюндена значительно приветливее, чем они были на самом деле.

– Вам это пока еще не показалось, – задумчиво ответила Диана. – О суровости судят не тогда, когда входят в этот замок, а когда настает пора прощаться.

– Буйством океана меня не удивишь.

– Налейте ему еще вина, Куньяр. Но этот бокал – последний. Поэтому советую не увлекаться. Вы поняли меня, адмирал трех океанов?

– Я оставляю ваш замок раньше, чем будет наполнен очередной бокал. Совет моряка: не будьте столь строгими с людьми, которые ищут встречи с вами. Позвольте спросить, графиня: вам знакомо такое имя – дон Морано? Командор дон Морано.

Диана откинулась на спинку кресла и с минуту сидела молча, глядя в пространство перед собой.

– Если не ошибаюсь, на корабле этого командора Гяур содержался в качестве пленника. Но вы могли бы и сами уточнить, кого имеете в виду.

– Очень важно, что вы знаете, о ком идет речь. Теперь нам легче вести разговор о главном. Вы давно знакомы с князем, принимали участие в его освобождении. Нельзя исключить того, что во многих вопросах он был откровенен с вами...

– Не пытайтесь выглядеть оракулом, мой все еще не повешенный на рее. Наша откровенность – вопрос особый.

– Не говорил ли он вам что-нибудь об Афронормандии?

– О чем?!

– Дон Морано иногда условно называл эту землю Афронормандией. Но генерал Гяур мог и не запомнить названия. Имеется в виду затерянный где-то в Западной Африке клочок земли, хорошо защищенный от любопытных самой природой, богатый золотом и серебром. Дон Морано побывал в этом затерянном раю еще будучи пиратом.

– Я не собираюсь отдавать вас полиции, внебрачное дитя Веселого Роджера, – сурово перебила его Диана. – Однако хотелось бы, чтобы и вы не очень-то злоупотребляли моим терпением.

– Под килем вас протягивать не станут, – прогремывал истрепанной гортанью, молчавший до этого главный стражник Шварценгрюндена. – Но у нас в замке существуют свои собственные забавы.

– Вы сбиваете меня с толку, господа. Совет моряка: выслушайте до конца. Вы – люди того же склада характера, что и я, а потому сумеете понять старого бродягу. К моменту своей гибели дон Морано оставался последним, кто знал секрет Афронормандии. Как туда плыть, где высаживаться, как проходить по рекам и все такое прочее. Понимая, что так и уйдет со своей тайной в могилу, командор решился на отчаянный шаг – доверил ее своему врагу, князю Гяуру. Естественно, вначале он хотел склонить князя к тому, чтобы тот поднял над захваченным им судном пиратский флаг и отправился вместе с ним к берегам Африки. Но Гяур – человек на море совершенно случайный...

– Дон Морано погиб от рук Гяура?

– Можно считать, что да. По крайней мере по тем рассказам, которые мне пришлось выслушать.

– Тогда вполне может быть, что командор и в самом деле доверил ему некую тайну. – Кшиштоф мгновенно уловил, что отношение Дианы де Ляфер и к нему, и к Афронормандии резко изменилось. Вместо ироничности голос ее теперь источал заинтересованность и соучастие. – Но я об этом ничего не знаю, что совершенно непростительно для князя. А сам он, как вы уже поняли, вновь пребывает в диких азиатских степях Украины. В лучшем случае – в окрестностях Варшавы. Что прикажете делать?

– Похоже, что мне придется отправиться в Польшу, – решительно поднялся моряк. – Тем более что зов моей польской крови уже давно требует этого...

– Погодите вы со своим «зовом крови»... – поморщилась графиня. – Вам не кажется, что следовало бы ответить еще на несколько вопросов, коль уж вы явились сюда и разбередили мою душу всяческими фантазиями. Ну-ка, в нескольких словах... Что это за таинственная земля, Афронормандия? Только поподробнее, внебрачный сын вице-короля всех заморских территорий, поподробнее.

Теперь уже Кшиштоф сам налил себе вина и, метнув на шевалье де Куньяра победный взгляд, которым пытался отомстить за все те унижения, коими страж замка подверг его у ворот, принялся рассказывать обо всем, что ему удалось узнать от одного моряка. Сам этот скиталец морей хотя и не побывал на Земле Командора, но какое-то время ходил вместе с ним под Весе-

лым Роджером, а затем, тоже вместе с командором, перешел на службу к испанскому королю. Дон Морано рассчитывал на этого моряка как на будущего штурмана корабля, который он снарядит в Афронормандию, тем не менее географические секреты этого путешествия предусмотрительно не открывал, опасаясь, как бы каравелла не уплыла без него.

Конечно, окажется этот моряк рядом с командором в последние минуты его жизни... Но рядом оказался князь Гяур, к которому дон Морано неожиданно воспылал особой симпатией. Кое-что знал об «африканском рае» и капитан Хансен.

– Позвольте, не тот ли это Хансен?

– Который командует сейчас кораблем «Гяур», захваченным князем у испанцев? Не ошиблись, тот самый. Скажу больше: потрясенные храбростью полковника принц де Конде и один из французских генералов добились того, что корабль был объявлен собственностью князя. Капитану Хансену даже удалось оформить это приобретение у нотариуса.

– Но тогда получается, что у нас есть свой корабль?! – не удержался де Куньяр.

– Свой корабль теперь есть у князя Гяура, – вежливо уточнил Кшиштоф.

– Вы уверены, что теперь этот корабль – действительно собственность князя? – не стала графиня обращать внимание на нюансы их деликатного спора.

– Не уверен только, что сам князь Гяур догадывается об этом. То есть в общих чертах он был уведомлен, однако вряд ли знает, что все уже оформлено через одну из нотариальных контор. От его имени.

Графиня недоверчиво рассмеялась и, прикусив губами кончик пальца, надолго задумалась. Шевалье знал авантюризм своей хозяйки и понимал, что сейчас в ее милой головке рождается такой план, какой, возможно, в сонном бреду не мог бы померещиться самому отъявленному морскому прощелыге. Опасаясь буйности этого плана, шевалье как бы между прочим проворчал:

– Важно, что нам не понадобится захватывать этот фрегат, или чем он там числится, коль уж он, так или иначе, принадлежит князю Гяуру.

6

Тимошу Хмельницкому позволили провести отца только за окраину Бахчисарая. Все это время отец и сын ехали рядом, но полковник молчал. То, что он мог сказать заложнику своего замысла, он уже сказал. А что не в состоянии был высказать – даже не пытался.

– Ты – воин, – сурово молвил он, почувствовав, что пора прощаться. Державшиеся чуть поодаль два воина из охраны хана приблизились к ним, давая понять, что одному следует остановиться и что с этой минуты младший Хмельницкий, по существу, арестован. – Все мы там, на Сечи, в Украине, будем помнить, что ты здесь. И что если бы не ты, мы не получили бы поддержки хана, а значит, не смогли бы начать войну против Польши.

– Ты уже говорил все это, – с мальчишеской непосредственностью напомнил ему Тимош.

Первая волна страха и грусти, охватившая парнишку, как только он узнал, какая роль выпала ему, прошла. Беседы с отцом – суровые беседы воинов – тоже не прошли зря, и теперь он старался держаться так, чтобы морально чувствовать себя увереннее, чем отец. И полковник заметил, что иногда ему это, к сожалению, удавалось. Правда, сын даже не догадывался, что это его вызывающее спокойствие воспринимается отцом как самый изощренный упрек.

– Говорил, – мрачно согласился полковник. – Но не сказал главного: никогда не прощу себе того, что оставил тебя здесь.

– Когда ты посылаешь казака на мученическую смерть, чтобы он сдался врагу, а потом, под пытками, под страшными издевательствами, сказал то, что ему было велено сказать, то есть неправду, – тоже не прощаешь себе?

– При чем здесь это? – нервно передернул плечами полковник. – Там война. Он – воин...

– И сейчас уже идет война. И я – такой же воин, как и все. Просто чужого посылать на гибель легче.

Полковник удивленно посмотрел на сына. Ему показалось, что тот повторяет уже сказанное кем-то. Это слова с чужих уст. Но с чьих? Однако Тимош спокойно выдержал его взгляд.

– Ты прав: чужих посылать на смерть легче, и в этом скрыта лютая правда, – признал полковник, потупив взгляд. – Только ни одному воину еще не приходило в голову упрекать в чем-то подобном своего отца, какими бы полками или армиями он ни командовал.

– Я тоже не упрекаю.

– Мне казалось... что ты не решаешься пока что думать так...

– Знаешь, идя на смерть, я не стану проклинать тебя. Приму ее, как принимают все казаки. Поэтому не мучай себя. Еще один казак ушел к врагу, чтобы погибнуть во славу казачью... Что в этом необычного?

– Прекрати! – вдруг сорвался полковник, замахнувшись на сына плеткой. – Что ты несешь?! Я не оставляю тебя здесь на погибель! Это дипломатия! Так заведено! Я спасу тебя! Тебя никто не посмеет тронуть!

Тимош еще несколько секунд спокойно смотрел на отца, затем медленно развернул коня и, протиснувшись между татарами из охраны, помчался в сторону Бахчисарая. Татары еще немного покрутили лошаадьми «чертову мельницу» и со свистом, с гиканьем помчались вслед за ним.

Глядя им вслед, Хмельницкий не заметил, как княгиня Стефания вышла из кареты и вскочила на шедшего рядом оседланного коня. Зато проследил, как она на полном аллюре промчалась мимо него, обогнала сбавивших темп татар и уже у первых татарских лачуг догнала Тимоша.

Преградив парнишке путь, она перекрестила его, проговорила что-то молитвенно-благословенное на своем непонятном языке и, потянувшись к нему, по-матерински чмокнула в лоб.

– Прости, Тимош, – молвила она по-польски с сильным акцентом. – Я всего лишь сделала то, что забыл сделать твой посуровевший в походах отец.

Уже давно скрылся из виду Тимош и сопровождавшие его татары. Скрылась окраина Бахчисарая. Однако полковник и княгиня, ехавшие теперь стремя в стремя, по-прежнему оглядывались и оглядывались. И полковник все яснее ощущал, что по каким-то непонятным ему нравственным законам сын, получивший благословение этой прекрасной, но чужой им обоим женщины, стал тем звеном, которое объединяло их теперь. Всех троих.

– Я попросила князя Тибора, чтобы он присмотрел за вашим сыном, полковник. И на обратном пути, из Стамбула, если только...

– Спасибо, княгиня. Но только вы же видели: этот юный воин, – проговорил он с гордой обидой, – уже не нуждается не только в материнской опеке, но и в отцовской.

– Поскольку слишком мало знал материнской? – вопросительно взглянула на него Стефания. Впереди них мерно покачивалась в седле необъятная, облаченная в кольчугу, спина телохранителя Карадаг-бея, позади безлико возникали тени еще двух воинов-татар, которых сераскир ханских войск дал Хмельницкому и княгине для сопровождения.

Как-то так получилось, что татары сразу же оттеснили ее от своих подопечных воинов-славян, решив, что до тех пор, пока не достигнут Перекопа, охрана должна быть возложена только на них. Чехи и украинцы не протестовали: как-никак татары шли по своей земле.

– Вы правы: слишком мало... – задумчиво согласился Хмельницкий. – Зато вырастает отличным воином.

– В том-то и трагедия, что мы, матери, давно перестали растить сыновей. Растим только воинов. В этом заключается величайшая трагедия каждого из наших народов.

– Вы сказали: «Мы, матери...»

– У меня сын и дочь. Оба под попечительством моей бездетной сестры. Я не видела их уже несколько лет. Это непросто, а главное, непростительно. – А, немного помолчав, она добавила: – Теперь, надеюсь, нам легче будет понимать друг друга.

– Наоборот, сложнее. Мне иногда кажется, что, чем больше мы с вами узнаем друг о друге, тем сложнее понимаем себя.

– В этом что-то есть, – по-детски пощелкала языком княгиня.

Хмельницкий в последний раз оглянулся, мысленно прощаясь с сыном. Сколько времени пройдет, прежде чем удастся увидеть его? Стефания права, это будет непросто. Еще несколько минут они ехали молча, как бы определяя грань, за которой оставалась скорбь прощания и начиналась светская беседа людей, коим предстоит не только вместе провести несколько походных дней, но и многое обсудить.

– Вы не сердитесь на меня за вчерашнее вторжение? – неожиданно молвила княгиня.

– Если бы не прощание с сыном, разговор о том, вчерашнем, должен был бы начать я. С извинений.

– Я, конечно, соврала, что оказалась в вашей опочивальне случайно.

Хмельницкий вспомнил, с каким испугом он взглянул на неожиданно появившуюся в дверях княгиню. И как сожалел потом, что рядом с ним оказалась не Стефания, а эта грузинка наложница. Слов нет, красивая, ослепительная женщина. Но... не Стефания.

– Стоит ли сейчас вспоминать об этом, княгиня? Всего лишь осколок мужской походной жизни.

– Об этом невозможно не вспоминать.

– С сожалением?

– И с сожалением – тоже. Первая ночь в моей жизни, когда я позавидовала наложнице. – Княгиня наигранно рассмеялась, не прощая самой себе собственной слабости. – Я – и вдруг позавидовала наложнице, рабыне! Вот, оказывается, как жизнь способна наказывать гордых княгинь, если молодость их давно прошла, а чувства с годами не притупились.

- Судя по тому, сколь откровенно мы говорим о таких вещах, молодость наша действительно прошла. Причем это больше касается меня, нежели вас, княгиня.
- Вы не должны были подтверждать мои слова, – с легкой грустью упрекнула его Бартлинская.
- В этом странствии мне еще многому предстоит научиться.
- Еще бы! – загадочно согласилась Стефания.

7

По каменным ступеням, ведущим на верхний ярус башни, мурза Тугай-бей поднимался, словно на эшафот. Неспешные тяжелые шаги, усталый обреченный взгляд, высматривающий синий квадрат бойницы; могильный холод заиндевеливших каменных стен, погребавший его в свое гулкое безмолвие словно в вечное спокойствие склепа.

Эта башня давно стала для стареющего перекопского мурзы своеобразной меккой. Он поднимался сюда почти каждое утро и перед каждым закатом солнца. И никто не знал, какая мечта и какая тоска приводили его сюда. О чем он вспоминал здесь, что проклинал и на что молился.

«Башня старости» – как начали называть ее во дворце правителя – хранила тайну мурзы, как свою собственную. Солнечные лучи и морозы обжигали слова и мысли Тугай-бея, превращая их в дыхание вечности.

Поднявшийся вслед за мурзой стражник воткнул факел в специальную нишу в стене и замер, держа под мышкой небольшое, оббитое кожей походное кресло правителя. Он выжидал, пока Тугай-бей подойдет к одной из бойниц.

Да, в этот раз мурза вновь приблизился к той, что уводила его взор на юг, в Крымскую степь. Стражник поставил кресло так, чтобы мурза мог смотреть в этот разлом крепостного мира, и, поклонившись, отошел. Второй стражник тотчас же укутал правителя в овечий тулуп – и оба спустились ярусом ниже, чтобы дожидаться там распоряжений повелителя.

Всю жизнь взоры Тугай-бея были устремлены на север, туда, где начинались земли Дикого поля, где на краю степи утопали в зелени сытные украинские села и богатые польские поместья. Бывало, совершал походы, во время которых едва не достигал Вислы. Имея весьма незначительное по численности войско, мурза водил его в чужие земли с бесстрашием и целеустремленностью великого Саин-хана ⁵. Не раз возвращался с очень богатой добычей. Но случалось и так, что едва доводил остатки своих туменов до спасительного Перекопа.

Всякое бывало на его воинском веку. Однако суть не в этом. Только сейчас Тугай-бей со всей ясностью начал осознавать, что на самом деле воинский путь его должен был пролегать не на север, а на юг. Конечно, хакан Крымского улуса почитал за честь видеть его во время походов во главе своего передового отряда. О Тугай-бее гуляла слава как об очень талантливом полководце, которым гордился бы даже Стамбул.

Но все же этого мало. По крайней мере дважды у него была реальная возможность войти со своими аскерами в Бахчисарай, чтобы раз и навсегда положить конец вражде между правящими кланами столицы. Он, именно он, имел куда большее право на крымский престол, нежели владычествующий ныне Ислам-Гирей, изгнанный им хан Кантемир или неугомонный в своих авантюрах и интригах Джанибек-Гирей.

Тугай-бей не мог простить себе, что не воспользовался ни одной из этих возможностей, не создал еще пяти-шести ситуаций, при которых мог бы оказаться во главе ханства. И правители чувствовали это. Посылая его аскеров во главе войска, они знали, что меньше всего возвращается из сражений тех, кто вступает в них первыми. И кто потом первыми принимает на себя удар врагов на степных границах ханства. Ослабляя его войска, ханы тем самым укрепляли свою уверенность, свой престол. Они правили, а он, Тугай-бей, храбрейший из храбрейших, так и продолжал оставаться их вечно опальным вассалом. И дожил до своих пред-

⁵ Саин-хан. Больше известен в славянском мире как хан Батый или Бату-хан. Внук Чингисхана. Покорил Русь и основал в 1242 году государство между Волгой и Иртышом, получившее название Золотая Орда, со столицей Сарай-Бату (на левом берегу Ахтубы, левого рукава Волги).

смертных дней сторожевым псом Перекопа. Вроде бы еще и не стар, но болезни, проклятые болезни...

– Повелитель, позволь прервать поток твоих глубоких мыслей.

– Говори, – приказал Тугай-бей после тягостной паузы, которая действительно понадобилась ему, чтобы вернуться из блужданий по лабиринтам оскорбленной памяти.

– В твой город вновь прибыл полковник Хмельницкий.

Тугай-бей медленно, натужно повернулся лицом к своему полководцу Сулейман-бею. «Какой еще полковник?! – тоскливо вопрошал его взгляд. – Чего вы все хотите от меня?!»

– ...Из Запорожья, из Украины, – напомнил Сулейман-бей. – Из ставки атамана Запорожской Сечи.

– Значит, хан не принял его?

– Принял. Сын Хмельницкого оставлен в Бахчисарае заложником.

– Заложника хан у себя оставил, однако войск не дал, – проскрипел зубами Тугай-бей. – Потому что знает, что это война с Ляхистаном, а значит, король Владислав сразу же обратится к правителю Стамбула.

– Но заложник уже взят, благороднейший мурза. Он взят, и отступать от своего слова хан не привык.

Мурза поднялся со своего неуютного седалища и, приблизив лицо к бойнице, принял на себя порыв холодного влажного ветра. Того самого «ветра с юга», всегда приносившего с собой ностальгическое раскаиание по тому, что не сбылось и уже никогда не сбудется.

– Здесь, во владениях моих предков, повелеваю только я. Воля хана для меня не больше, чем воля хана, Сулейман-бей.

– Никто не способен оспаривать это ваше право, повелитель. Я всего лишь сказал, что нам выгоднее вести свои тумены вместе с полками Хмельницкого. Зачем добывать кровью аскеров то, что может быть добыто кровью самих неверных?

– О, да ты уже воспылил походной страстью, Сулейман-бей! – насмешливо молвил мурза. – Уже учуял след добычи. Теперь тебя ничто не остановит. Как волк, будешь тащиться за жертвой через всю степь, через тысячи миль, только бы настигнуть ее. И ничего в этом мире, кроме запаха крови твоей жертвы, для тебя уже не существует.

Сулейман-бей удивленно смотрел на мурзу. Взгляд его постепенно застывал, словно сок на свежих срезах оливы. Тугай-бей знал, что за внешней невозмутимостью его полководца и начальника дворцовой охраны таится неудержимая лавина гнева, способная разверзнуться словно огненная лава в давно застывшем кратере Кара-Дага. Когда маска молчаливого много-терпения сходила с его лица словно ледник с Караби-яйлы ⁶, оголяя целые камнепады нена-висти и злобы на все живое и неживое в этом мире, Сулейман-бей не признавал никого и ничего. Он попросту не способен был что-либо осознавать и признавать. Не зря же по селениям Перекопа гуляла мрачная поговорка, что «в порыве ярости Сулейман-бей способен перегрызть глотку самому себе». Похоже, что так оно на самом деле и было.

– Никогда не поверю, повелитель, что вы осуждаете вожака своих степных шакалов за то, что он все еще не потерял нюх и силу, – почти простонал Сулейман-бей, покачивая при этом высоко запрокинутой головой.

– Просто ты слишком напоминаешь меня самого, чья жизнь тоже прошла в шакальих набегах.

– Но мы – татары, повелитель! Мы – воины и кочевники. Нам предначертано так самим Аллахом.

⁶ Яйла – высокогорный луг в Крымских горах.

– Только потому, что так предначертано самим Аллахом, я и пошлю тебя во главе своих аскеров вместе с полковником Хмельницким, Сулейман-бей. Мы не были бы татарами-уланами⁷, если бы позволили нашим саблям ржаветь и облипать жиром в кожаных ножнах.

Сулейман-бей воинственно расправил плечи и, положив руку на эфес своего ятагана, торжествующе рассмеялся:

– Мы пойдем на Уруссию, повелитель. Мы поможем им разжечь большую войну. И пока они будут уничтожать друг друга, мы будем отправлять караваны с добром в Перекоп.

– А когда ослабнут, перенесем столицу Перекопа туда, где сейчас находится их казачья Сечь, – то ли в шутку, то ли всерьез поддержал его мурза.

⁷ Многие знатные роды крымских татар причисляют себя к династии Уланов, основателем которой был полубожественный, героический предок Улан.

8

В тот вечер графиня де Ляфер так и не раскрыла своего замысла. Моряк был накормлен, ему предоставили отдельную комнатку, однако ночь он, судя по всему, провел не самую спокойную, чувствуя себя человеком, у которого вывели великую тайну, расплатившись всего лишь ночлегом да сытным ужином. Скучновато. Не для этого он добирался сюда из Дюнкерка. Не ради этого оставил службу на «Святой Джозефине». Он поставил на карту многое, но пока что не ясно было, собираются ли с ним играть по каким-то более или менее приемлемым рыцарским правилам.

Утром они вновь собрались втроем, за тем же столом, и если вместо красного вина слуга в этот раз принес белое – из этого еще ничего не следовало.

– Допустим, вы сумели разыскать князя Гяура... – возобновила прерванный разговор Диана де Ляфер. – Уверены, что он откроет вам тайну Земли Командора?

– Совершенно не уверен.

– Именно поэтому вы и обратились ко мне, любимец Нептуна? – улыбнулась графиня одной из тех своих улыбок, после которой самоубийство уже не кажется собеседнику чем-то из ряда вон выходящим. – Прекрасно зная, что генерала Гяура вы здесь не встретите.

– Не думаю, чтобы человек, который советовал мне обратиться именно к вам, ошибался. Если бы генерал и решился снарядить подобную экспедицию, то только по вашему совету. В то время как вы могли бы снарядить ее сами, для этого вы достаточно богаты и влиятельны. И советоваться по этому поводу с князем Гяуром вам ни к чему.

– Какой же вы неисправимый наглец, – незло констатировала де Ляфер.

– У меня нет иного выхода. С той поры, как мы с капитаном Хансенom стали совладельцами – скажем так – тайны Афронормандии, эта земля не дает нам покоя. А ведь расположена она сравнительно недалеко. Не нужно пересекать океаны. Идти можно вдоль берега, что довольно безопасно.

– Если не принимать во внимание прибрежных корсаров, которых полно на всем отрезке пути от Кале – вплоть до Земли Командора.

– Но корабль можно хорошо вооружить. Взять на борт роту охраны, с ружьями и луками, – неожиданно взревел шевалье де Куньяр. И Диана вынуждена была с подозрением взглянуть на стража замка, понимая, что этот златолюбец уже успел загореться идеей похода и в очередной раз заболеть кладоискательской лихорадкой.

– К тому же судов может быть несколько. Когда мы снарядим «Гяура», найти соратников окажется не так уж трудно, – подхватил его мысль Кшиштоф. – Конечно, по пути можно было бы захватить еще какое-нибудь корытце, однако не хотелось бы начинать святое дело с пиратства. Хотя никто не помешает нам в любое время поднять над кораблем тот флаг, какой подвернется под руку.

– И кто докажет, что корабль, который мы захватили по пути, не напал на нас первым?! – потряс кулачищем де Куньяр.

– Вижу, ночь не прошла для вас зря, досточтимые заговорщики, – насмешливо смерила княгиня взглядом их обоих. – Успели кое-что обсудить без меня?

Кшиштоф виновато покосился на шевалье. Тот расправил богатырскую грудь и принял вину на себя.

– Так, в общем... испепели меня молния святого Стефания. Поговорили по-мужски... Дело-то серьезное. И ясно, что вести корабль придется не вам, графиня...

– Мы вот о чем подумали. У вас есть доступ к кардиналу Мазарини, – вновь перехватил инициативу моряк. – Французская казна пуста, а войну на море мы вроде бы все равно проиг-

рали. Кто запретит первому министру выделить хотя бы один военный корабль для участия в нашей экспедиции? Королева тоже возражать не станет.

– ...Если уж так решит кардинал Мазарини, – почти механически подтвердила графиня. – А вас, значит, послал ко мне капитан Хансен, верно я поняла?

Кшиштоф немного замялся.

– Капитану не хотелось, чтобы здесь ссылались на него. Он обязан выполнять только волю владельца корабля. Вы ведь понимаете... Если Гяур заподозрит его в склонности к пиратству...

– ...Которое у фризов, как и у норманнов, в крови. Ну да бог с ним. Зато теперь твердо знаю, что опытный капитан у нас уже имеется.

– Штурман – тоже, – ткнул шевалье пальцем в плечо Кшиштофа. – Лучшего боцмана, чем я, вам все равно не найти. Команда будет у меня вот здесь, – сжал кулачище с такой силой, словно пытался выжать воду из куска базальта. – Год на королевском флоте я все же прослужил.

Моряк удивленно взглянул на шевалье де Куньяра, затем на графиню.

– Так вы... согласны?! Я могу сказать об этом капитану?!

– Пока что можете сказать ему, что нас заинтриговала Афронормандия командора. Но не более того, – охладила его пыл де Ляфер. – Мы с вами еще довольно смутно представляем себе, что это за земля, какой от нее толк? Как добираться до ее берегов и с какими племенами придется сражаться за нее? Наконец, каковы там условия жизни.

– Вы перечислили все то, что интересует капитана Хансена и меня, – возрадовался Кшиштоф. – Поэтому уверен, что мой визит оказался не напрасным. Совет моряка: сделайте, госпожа графиня, так, чтобы это африканское путешествие в конце концов состоялось.

9

Хмельницкий вновь был поражен той убогостью, которую представляла собой крепость Ор-Капи. Невысокие глинобитные стены, кое-где уже основательно подернутые трещинами и отмеченные обвалами, полужасыпанные рвы, заваленные отбросами переходы...

Однако Тугай-бей, казалось, не замечал всего этого. Он показывал Хмельницкому свой город, свою крепость и свои владения с величественной щедростью правителя, у которого нет никаких секретов от союзника, словно дарил ему все это.

– Я не уверен, что ваша крепость готова хоть к какой-нибудь серьезной осаде, – позволил себе иронично заметить полковник.

– Но и не много известно случаев, когда кому-либо удавалось взять ее, – в том же ироничном тоне ответил мурза. – Если какие-то войска и прорывались в Крым, то лишь обходя Ор-Капи, – спокойно воспринял он выпад Хмельницкого. – И потом, к чему я должен готовить ее? Получив на северных землях союзника, перед которым трепещет даже Ляхистан, я вообще могу разрушить эти стены. Разве что первый удар вы решили нанести именно по Перекопу, а, полковник? Не таитесь. Помните, как говаривали наши предки: «Иду на вы!».

Хмельницкий помнил, что это относилось лишь к его славянским предкам. Однако огорчать татарина он не стал. Приятно удивило уже хотя бы то, что мурзе известен этот рыцарский вызов.

Трое суток прошло с тех пор, как Хмельницкий и княгиня Бартлинская появились в этом городе, прежде чем он сумел пробиться к мурзе. Лишь когда полковник приказал своей свите готовиться в дорогу и распустить слух о том, что глубоко обиженный Хмельницкий решил оставить Перекоп, не дожидаясь встречи с правителем, появился посольный мурзы. С истинно восточным радушием он объявил, что светлейший Тугай-бей, да продлит Аллах счастливые дни его, наконец-то вернулся с охоты и очень обрадовался, узнав, что в его владениях находятся столь высокочтимые гости.

– Вот уж не думала, что к перекопскому мурзе труднее попасть, чем к крымскому хану, – ослепительно улыбаясь, молвила по этому поводу Стефания, в присутствии которой происходил весь этот обряд «приглашения к испробованию яда».

Хмельницкий признал, что сказано это было слишком смело и даже опрометчиво. Тем не менее про себя добавил, что чем мизернее чиновник, тем выше ценит он свое время и свое спокойствие.

Впрочем, полковник понимал, что Тугай-бей не подпускает его к себе не из-за чванства чиновников. Слишком обязан ему этот человек, чтобы вот так, по глупой прихоти, уклоняться от встречи. Скорее всего, правитель Перекопа выжидал, выясняя, чем закончилась встреча казачьего атамана с Ислам-Гиреем.

– Осматривая эти стены, я мысленно вижу мощные укрепления Кодака, – ответил Хмельницкий. Теперь уже была его очередь сдерживать выпад мурзы. – Надеюсь при этом, что польскую крепость мои воины будут штурмовать вместе с аскерами правителя Перекопа.

Тугай-бей торжествующе улыбнулся: «Теперь ты конечно же станешь просить воинов? – мог вычитать в ней полковник. – Но получить у меня войска не так-то просто...»

– А что же наш светлейший хан?

– Он был очень гостеприимен и любезен.

– Настолько, что отказал в том, ради чего вы прибыли в Крым – в военной помощи.

– Если я верно понял, он очень хорошо осведомлен о нашей с вами дружбе. В том числе – о вашей поездке на Сечь, – деликатно напомнил Хмельницкий мурзе о тех истинных основах их дружбы, которые были заложены в дни, когда в роли просителя выступал он, могущественнейший мурза Ор-Капи.

– Хан решил воевать только саблями перекопцев? – едва сдерживал гнев Тугай-бей. – Понятно: чем слабее правитель Перекопа, тем увереннее чувствует себя Бахчисарай.

– Не берусь судить о ваших взаимоотношениях, светлейший. Но откровенно рассчитываю на нашу дружбу.

– Войска посылает не дружба, а мудрость. Чем дальше видит правитель, тем большим по численности своей становится войско, которое он посылает своему союзнику.

Хмельницкий догадывался, что это пока еще не окончательный ответ. Но уже кое-что.

Несмотря на свой откровенно убогий вид, крепость все же оставалась довольно внушительной. Широкий ров, пристройки и небольшие крепостные замки, которые усиливали мощь стен и создавали дополнительные очаги обороны; турецкие крепостные орудия, бомбардиры которых не ощущали недостатка в разрывных и каменных ядрах... А главное – мощный гарнизон, усиливаемый, в случае войны, жителями всех окрестных селений. Хмельницкий помнил, что, при любой серьезной опасности, здесь, на довольно узком перешейке, в течение двух дней мурзе удавалось собирать целую армию.

– Я знаю вас, Тугай-бей, как правителя, который умеет видеть значительно дальше, чем летят стрелы его воинов, – молвил Хмельницкий, завершая этот осмотр и давая понять, что хотел бы вернуться к переговорам о военном союзе. Но мурза вновь ушел от окончательного ответа.

Вернувшись во дворец, они еще почти час разговаривали о степной охоте, которая становится все скуднее; о донских казаках, которые, побаиваясь нападать на кавказцев, все чаще обращают свои взоры на Крым; о ситуации, которая складывается при дворах польского короля Владислава IV и султана Высокой Порты... Однако полковник понимал, что эта их встреча, по существу, так и завершится ничем. Тугай-бей все еще чего-то выжидает, что-то взвешивает на весах своей политической дальновидности и восточного коварства.

И лишь когда Хмельницкий стал прощаться, мурза не выдержал.

– Вы, полковник, так и не поинтересовались, как чувствует себя мой сын.

– Мой сын Тимош не раз сожалел, что у него нет возможности принять вашего сына, – проговорил гость, поднимаясь из-за богато сервированного стола. – Извините, если вас очень удивило, что я не поинтересовался, как поживает Султан-Арзы.

– Что вы, полковник, меня «очень удивило» бы, если бы вы поинтересовались этим, – хитровато оскалился мурза. – У вас достаточно такта, чтобы не напоминать старику отцу о спасении его сына, а следовательно, о долге, который за ним числится.

Теперь они рассмеялись вдвоем. Тугай-бей был доволен, что точно понял смысл недомолвок своего гостя и что тот простодушно признался в них. А заодно раскрыл причину той напряженности, что царил во время их сегодняшней встречи.

– Здесь может идти речь только об одном долге – долге человечности. Но мне кажется, что завели вы о нем речь только потому, что пытаетесь выяснить, что произошло с моим сыном.

Тугай-бей немного замялся.

– Мне действительно сказали вчера, что в Бахчисарай вы направлялись с сыном. Хотя скрывали, что сопровождавший вас юноша – в? – аш старший сын.

– И вы послали гонца в столицу, чтобы выяснить, действительно ли хан оставил его заложником?

– Разве нашелся бы мурза, который бы не послал своего гонца выяснить, почему его друг попал в немилость к хану? И насколько глубока эта немилость. Но больше всего меня интересовало, почему вы до сих пор не попросили вступить за своего сына. Мне казалось, что, прежде всего, вы будете заинтересованы в его скорейшем освобождении.

«Вот чего ты опасался, старый шакал! – безо всякой злобы подумал Хмельницкий. – Вот почему оттягивал встречу со мной. Ждал возвращения гонца, который сможет прояснить все

то, что происходило при дворе хана. Точнее, не гонца, а своего постоянного, давно засланного тобой во дворец Ислам-Гирея осведомителя, человек от которого, очевидно, прибудет завтра».

– Мне, конечно, очень дорог мой сын. Но, во-первых, хан был весьма благосклонен и ко мне, и к нему. Сын-заложник – это скорее дипломатический прием, нежели результат каких-то дворцовых интриг. А во-вторых, как бы ни был дорог мне сын, я не могу отягощать наши отношения, могущественный Тугай-бей, попытками столкнуть вас с Ислам-Гиреем. Зная, что поводов для подобных столкновений у вас и так более чем достаточно.

Тугай-бей несколько мгновений стоял напротив Хмельницкого с полужакрытыми глазами, думая о чем-то своем или в чем-то сдерживая себя.

– Увидимся завтра, господин полковник, – наконец решился он. – Завтра мы оба сумеем понять все то, что пока не совсем ясно сегодня.

10

– Ни один атаман, который выступал против польского короля до тебя, победы над Речью Посполитой так и не увидел. Да, я допускаю, что ты все-таки победишь, – лицо Тугай-бея словно бы обтянуто куском изжеванной рогожи: обветренное, шелушащееся, сплетенное из кусков загрубевшей кожи, изрезанных глубокими почерневшими морщинами. – Но что ты станешь делать, как будешь вести себя после победы?

– Буду добиваться от короля Польши справедливых законов, по которым православный люд украинский имел бы те же права, что и поляки.

Мурза смеялся настолько громко и заразительно, словно услышал нечто такое, что способно было изумить его.

– Зачем тебе законы польского короля, Хмельницкий?! Если уж ты победишь польскую армию, то зачем тебе выпрашивать законы у сената, который эту армию посылал против тебя? Издавай свои собственные законы! Какие хочешь – такие издавай.

– Но я не король.

– Разве Владислав IV родился королем? Нет? И ты – нет. Так объяви себя королем. Собери свой украинский сейм, и пусть он объявит тебя царем, королем, падишахом, императором... Кто посмеет помешать? – накладывал Тугай-бей седые усы на гнилые зубы. – Есть земля – значит, есть народ. А есть народ – должен быть правитель. Это тебе Тугай-бей говорит... Только султаном не объявляй себя – стамбульский обидится. Лучше всего пусть тебя провозгласят Запорожским ханом.

С той поры, как Хмельницкий стал гостем перекопского мурзы, до серьезного разговора у них так и не дошло. Правда, после прошлой их встречи неожиданно подобревший Сулейман-бей угощал его у себя в старом дворце, а затем показывал стены новой загородной резиденции, строительство которой начал на берегу Сиваша. С самого начала она задумывалась как укрепленный замок, вокруг которого постепенно сформируется новый город, эдакий Сулейман-Сарай.

В этот раз все выглядело по-восточному щедро и гостеприимно. Хмельницкому и его людям кланялись и говорили возвышенные льстивые слова, со злорадством наблюдая при этом, как полковник нервничает, порываясь в покои мурзы. Теперь, когда его сын остался заложником Ислам-Гирея, пути к отступлению у Хмельницкого уже не было. Тем более что дело шло к весне, а к боям ни его войско, ни войско мурзы еще не было готово.

– В Украине правители издревле называли себя великими князьями или же гетманами. Какой титул повелит мне принять войсковая старшина и казачий круг – тот и приму, – неожиданно резко ответил Хмельницкий, удивив этим мурзу. До сих пор полковник вел себя совершенно невозмутимо.

Тугай-бей допил чай, брезгливо отодвинул чашку и, упершись кулаками о ковер, на котором они, скрестив ноги, восседали, потянулся к Хмельницкому.

– Ты зачем прибыл ко мне, полковник? Тугай-бей тебя спрашивает.

«Наконец-то», – облегченно вздохнул Хмельницкий. Но прежде чем ответить сделал еще несколько глотков. Теперь он мог позволить себе поиграть мурзе на нервах.

– Слышал, что собираетесь в поход, досточтимый мурза. «Когда солнце приходит с юга, крымские кони устремляются на север» – так у вас говорят? Снарядите десять тысяч воинов. Я снаряжу сто тысяч. И мы вместе пойдем на Ляхистан.

Мурза насмешливо взглянул на полковника и недобро ухмыльнулся.

– Ты заманишь мои войска в степи и перебеешь их там во время первого же ночлега. А потом приведешь своих неверных под стены Перекопа и возьмешь его голыми руками.

– Если бы мне нужен был Перекоп, досточтимый мурза, я сидел бы сейчас за столом в королевском дворце Варшавы и ждал, пока Владислав IV снарядит против Крыма свое двухсоттысячное войско. А он только и ждет, когда я приду к нему с просьбой послать войска, поскольку считает позорным для себя платить дань крымскому хану. Не зря же договор, согласно которому Польша платила ее, король объявил несправедливым.

– Ни один правитель не считает дань справедливой. Но от дани освобождает не гонор, а сабля.

– К этому я и веду. Ваши войска, мурза, будут лишь свидетельством того, что Крым – с нами. А платой вашим воинам станет огромная добыча, которая ждет нас в богатых польских обозах и поместьях.

– Когда ляхи собираются на войну, они снаряжают такие обозы, словно отправляются на свадьбу, – вновь презрительно оскалился мурза. – Очень богатые обозы, ты прав, полковник, – и, мечтательно помолчав, добавил: – Десять тысяч воинов не дам. К тебе на Сечь придут всего четыре тысячи.

– Но этого слишком мало.

– Если мы будем тратить время на торги, мне придется согласиться только на две тысячи. И тогда тебе покажется это достаточным.

– Но этого мало, – почти простонал Хмельницкий, в отчаянии повертев головой. – С таким войском даже стыдно возвращаться на Сечь.

– Я воспринимаю твои слова, полковник, как молитву благодарности Аллаху, – продолжал добивать его мурза, воспользовавшись тем, что Хмельницкий возмущался на своем украинском. – Благодарности за то, что Аллах говорит мне: «Этот полковник, этот неправовверный гяур очень близок тебе по духу. Помоги ему, и, когда настанет время, он поможет тебе». А еще Аллах говорит мне: «У хана Крыма были все основания и возможности помочь этому воину, однако он не помог. У тебя же были все основания отказать ему в помощи, поскольку он обратился прямо к хану, а не к тебе, однако ты простишь ему это высокомерие. Если ты не поможешь ему, а он не станет помогать тебе, то кто же способен помочь вам обоим?»

«Вот так и заключаются тайные союзы, – подумал Хмельницкий, – о которых знают только двое. – Эти союзы прочны, поскольку не осквернены никакими официальными договорами и клятвами. К тому же им не страшен суд истории, для которой они недоступны, как недоступны тайные помыслы Аллаха».

– К слову, помогать вы станете мусульманину, поскольку, находясь в Турции, я принял ислам.

Полковник замер, ожидая, какой будет реакция мурзы, и был поражен, когда тот безразличным тоном ответил:

– Меня больше интересует то, что ты принял командование армией, состоящей из запорожских казаков, которые куда чаще были моими врагами, нежели союзниками, а также из украинских крестьян, которые куда чаще становились моими жертвами, нежели врагами, и у которых есть все основания не только ненавидеть меня, но и бояться.

– Аллах, как всегда, непостижимо мудр, – вежливо склонил голову Хмельницкий, отдавая дань уважения не только мудрости Аллаха, но и житейскому прагматизму Тугай-бея.

Полковник всегда презирал тех восточных правителей, что загоняли свои ум и волю в религиозные догматы; свои действия стреноживали путами суеверий, а дипломатический талант слишком уж расцветивали восточной хитростью. До сегодняшнего дня Тугай-бей в его представлении оставался именно таким «восточным коконом» словоблудия. Но теперь отношение к нему изменилось, и полковник даже пожалел, что не решился встретиться с ним еще до поездки в Бахчисарай.

Он понимал, что мурза конечно же будет преследовать свои, и только свои интересы. Но уже сейчас ясно, что у них появятся общие тропы. И какое-то время они могут идти сообща, хотя и каждый к своей цели.

– То, что я встретился с ханом и получил его напутствие, облегчает нашу встречу и освящает наши решения. Поэтому я не стану оправдываться. Но признаюсь, что был неправ в другом. Я знал вас, мурза Тугай-бей, как великого воина. Однако слишком недооценивал как политика. Теперь у меня есть все основания раскаиваться по поводу своей недалёковидности.

Тугай-бей подергал кончик уса – Хмельницкий уже заметил, что мурза делает это всякий раз, когда ему не терпится высказать какую-то важную мысль. Словно бы здесь, в правой части уса, скрывалась некая внутренняя, понуждающая к раздумьям и глубокомыслию сила.

– Мы, восточные правители, привыкли к лести. Она давно стала неотъемлемой частью не только придворного этикета и дипломатического церемониала, но и смыслом самой нашей жизни. Однако вы – европейский политик, и, как видите, я стараюсь вести себя с вами так, как принято вести себя европейцу с европейцем.

– Тем более что Крым трудно признать азиатским захолустьем.

– Перебивать восточных правителей во время беседы – тоже отличительная черта исключительно европейских послов и политиков, – невозмутимо заметил мурза. – Но сегодня мы отойдем от обид и церемониалов. Вынужден признать, что до нашей встречи в Диком поле я не только недооценивал вас, но и мало что слышал о таком полковнике. Правда, мне стало известно, что некий сотник, вернувшийся из Турции и принявший там ислам, возведен польским королем в генеральные писари реестрового казачества с дарованием ему чина полковника. Этого вполне достаточно для того, чтобы подослать наемных убийц и лишить казаков их нового полководца. Но совершенно недостаточно, чтобы зауважать этого самого полководца.

Появились две служанки с фигурами и движениями танцовщиц. На подносах, которые они опустили перед мурзой и его гостем, стояли кувшины с фруктовым напитком. Оба мужчины не удержались, чтобы не провести руками по бедрам девушек. Та, что прислуживала полковнику, задержала свой стан в почтительном изгибе и взглянула на своего повелителя. Уловив едва заметный кивок мурзы, она сразу же повернула свое полнолунное смуглое личико к Хмельницкому и плотоядно улыбнулась, давая понять, что нынешний вечер ему посчастливится провести не в занудных разговорах с заметно постаревшим и сдавшим мурзой, а в ее объятиях.

– И когда следует ждать десять тысяч воинов, которые придут на помощь моей армии? – вернулся полковник к тому, ради чего проделал долгий и трудный путь из Сечи до Перекопа.

– Мы формируем свои тумены значительно быстрее, чем вы – свои полки. К тому же мы не признаем обозов. У каждого воина есть лук, стрелы и несколько боевых коней.

– То есть я могу рассчитывать, что в марте, когда в южных степях Украины сходит снег, а ночи становятся достаточно теплыми, чтобы не разводить костров, ваш отряд присоединится к нам?

– Но придет не десять тысяч, а четыре, – резко молвил Тугай-бей, подчеркивая, что решение это окончательное и нет смысла его оспаривать. – Четырех тысяч воинов-татар вполне достаточно, чтобы своим свирепым видом, криками «алла-алла!» и изнуряющими обстрелами из луков привести поляков в ужас. Ведь мои воины нужны тебе в основном для этого, разве не так?

– Еще две тысячи казаков мы переоденем в вывернутые овчинные тулупы и посадим на татарских коней. Чтобы ужас охватил как можно больше польских глаз и умов.

– Воинов-татар это не обидит, – в сугубо восточной манере выразил свое согласие с таким перевоплощением Тугай-бей. Из этого же согласия следовало, что казакам будет выделено для их целей две тысячи запасных татарских коней. – Но мои воины составят резервный корпус

и по-настоящему вступят в бой лишь тогда, когда вы начнете крупное сражение и когда всем станет ясно, что войну начали именно вы, а не татары.

И в этот раз Хмельницкий вынужден был признать, что Тугай-бей не зря претендует не только на роль полноправного правителя Перекопа, но и на титул хана.

– Можете быть уверены, правитель, что они вступят в бой как наши союзники, которые прибыли не погибать в боях, а делить славу победителей.

Тугай-бей лукаво ухмыльнулся. Цена подобных заверений ему была известна.

– Пригласить татарских воинов, чтобы они разделили воинскую славу казаков? Вы меня расстроили, полковник.

– Быстрые татарские кони, – не обратил внимания на его иронию Хмельницкий, – оказываются очень кстати в тех случаях, когда нужно преследовать врага, чтобы, добывая его, захватывать обозы.

– Мы уже несколько столетий живем в Европе, это так, – признал Тугай-бей, – но этого оказалось слишком мало, чтобы мы успели оставить свои азиатские кочевья и окончательно осесть на вашем материке.

«Извинение, достойное великого правителя Востока», – признал, в свою очередь, Хмельницкий.

11

Это был их последний привал. До заката солнца кавалькаду сопровождали проводники, посланные Тугай-беем, а только что где-то там, впереди, на холмах, прогарцевал небольшой разъезд, который, очевидно, был казачьим.

Повозки, карета и четыре шатра поставлены в небольшой квадрат, образовавший лагерь на плато между небольшим терновником, степной кручей и берегом какой-то речушки.

Окинув привычным офицерским взглядом эту местность, Хмельницкий пожалел, что он здесь без войска. Почти идеальное место для лагеря. Полковник решил запомнить его, чтобы во время похода на Крым разбить здесь свой тыловой лагерь, к которому, в случае неудачи, можно было бы с боем отойти.

– Знаете, полковник, мне иногда хочется предложить вам: оставьте свои казачьи войска и отправляйтесь со мной. В моем кортеже никто не распознает в вас бывшего опального атамана. К тому же вы всего лишь замышляете восстание, а я посему уверена, что король сумеет простить вас. Уж об этом я позабочусь.

– Предлагаете возглавить вашу охрану до прибытия в Чехию?

– Точнее сказать, иногда мне хочется предложить вам это.

– Что же мешает?

Мерно озаряют темноту три костра. В котлах варится нехитрая походная еда. Небольшой табун коней гарцует на заливных лугах по обоим берегам речушки.

– Тогда вы стали бы всего лишь беглецом, изгнанником. И я бы никогда не простила себе этого. Вам суждена совершенно иная судьба.

– Вы знаете, что мне суждено?

– Предчувствую.

Они медленно уходили по склону возвышенности, все отдаляясь и отдаляясь от лагеря. И ночь принимала их как беглецов, укрывая их и ограждая от мира величественным спокойствием бесконечной степи.

– Я не так уж много могу предвидеть в этой жизни. Но всегда безошибочно определяю людей отверженных, все стремления которых будут развеяны прахом бытия.

– Причем все эти люди тянутся почему-то именно к вам, – едва заметно улыбнулся Хмельницкий невидимой в ночи доброй улыбкой.

– Не пытайтесь быть пророком. Вам ведь уже известно, что меня называют Королевой отверженных, – шутливо разоблачила его Стефания. – Но вы-то к таким людям не принадлежите.

– Хотелось бы надеяться.

– Не скромничайте. Надеяться должна я. Вы же – идти к своему божественному факелу на вершине Олимпа.

– «Идти к божественному факелу на вершине Олимпа», – улыбнулся Хмельницкий. – Я запомню это.

– Мне будут доставлять огромную радость известия о том, что армия Хмельницкого разгромила поляков на Днепре, взяла штурмом Каменец, подступила к Львову... Имение моей тетушки под Краковом вы, надеюсь, пощадите? – хитровато прищурилась Стефания.

– Мои воины будут охранять его как святыню. Тем более что я не стремлюсь быть завоевателем Польши. Лавры могильщика Речи Посполитой меня не прельщают. Мой «факел на вершине Олимпа» – свобода Украины.

Отсюда, с холмистого плато, их небольшой лагерь казался Стефании стоянкой какого-то степного племени – маленького, беззащитного, спасающегося от могучих врагов в этом степ-

ном пристанище. Настанет рассвет, степь по ту сторону речушки огласит боевой клич врагов, и последние воины племени, уведя своих коней за ограду из повозок, примут последний бой.

Погибнут воины. Перебьют младенцев. Уведут в рабство молодых женщин, и никто больше не вспомнит о том, что когда-то здесь, на берегу этой речушки, погибло целое кочевое племя.

* * *

Предавшись своим фантазиям, Стефания восприняла как совершенно естественный порыв то, что полковник приблизился к ней сзади и, обхватив за плечи, привлек к себе. Он был сильным и мужественным. Тем последним варваром-кочевником, который спасет ее и благодаря этому продолжит род. Спасет, защитит и возьмет в жены...

Все еще пребывая в вымышленном мире своего кочевого бытия, княгиня инстинктивно прижалась к полковнику плечами и восприняла его ласки с такой неброской женской радостью, с какой женщина ее возраста может воспринимать только ласку своего последнего защитника, своей надежды.

– Я буду гордиться тобой, – прошептала она, – узнавая, что из безвестного полковника ты становишься генералом, командующим, знаменитым полководцем степной армии повстанцев. Я буду молиться, – шептала она, принимая его несмелые поцелуи, – чтобы удача не предала тебя, а воинская слава достигла самых отдаленных столиц Европы. Чтобы, установив на своей священной земле мир и спокойствие, ты рано или поздно все же подступил к стенам моего скромного замка и с непокрытой головой ждал, пока я покажусь на надвратной башне. Наверное, это мои слишком уж немислимые фантазии?

– Если я появлюсь у ворот вашего замка, Королева отверженных, то вряд ли стану дожидаться, пока мне откроют. По привычке возьму их штурмом, – шутливо пригрозил Хмельницкий.

– Бог-дан, – нежно произнесла Стефания, обхватив ладонями его лицо. Это «Бог-дан» она произнесла с сильным ударением на первом слоге и с таким романтическим акцентом, что полковнику, как мальчишке, захотелось, чтобы она вновь повторила его имя. И чтобы отныне он слышал его как можно чаще, и всегда – из уст этой женщины.

– Сте-фа-ния... – В его произношении имя княгини получилось слишком грубым и невнятным, однако чешка не заметила этого. Она видела своего полковника таким, каким желала видеть. Каким нафантазировала себе, сотворила в своем воображении, а посему многое не замечала и прощала. Она умела делать то и другое.

– Бог-дан...

– Сте-фа-ни-я...

Они оба понимали, сколь запоздалой оказалась эта их встреча и эта любовь. Но, чем отчетливее они это осознавали, тем яростнее тянулись друг к другу, маня и лаская... Оплакивая то, чего недополучили в молодости, и страстно любя то, что беззастенчиво оплакивали в молодые годы.

– Бог-дан...

– Сте-фа-ни-я...

– Теперь у тебя получается нежнее, – прошептала княгиня, уткнувшись лицом в полу его шерстяного дорожного плаща.

– Все равно не смогу произнести так, как чувствую.

– Да это и невозможно. По себе знаю, – улыбается Стефания.

Пылают костры. Басуют почуствовавшие свободу кони. Потрескивают под порывами ветра кроны чахлах степных деревьев. И луна, неспешно выплывающая из-за черно-синего

перевала туч, освещает две затерянные посреди степи фигуры, так и оставшиеся где-то между прошлыми и будущими веками, между поколениями и цивилизациями.

– Бог-дан...

– Сте-фа-ни-я...

– Я поманила бы тебя в свою Чехию, за мощные стены замка, у которого наконец-то появился бы настоящий хозяин и настоящий защитник. Но в таком случае уже никогда не смогла бы возгордиться тем, чего ты достиг, и тем, чего еще достигнешь в этом мире.

– Перед каждым сражением я буду возрождать в памяти твой образ и молиться на него, как на икону святой заступницы.

– «Святая Стефания Моравская» – так будет называться твоя икона?

– Лучшие знатоки всех религий и вер станут ломать головы, пытаясь постичь, к какой из них принадлежит и кем канонизирована эта святая Стефания Моравская...

– Но так и не смогут добраться до грешной истины, – с улыбкой поддержала его мечтания княгиня.

Она умела улавливать и продолжать мысль. Умела подхватывать и обожествлять улыбку, умела создавать из мужчины кумира – да так, что он становился кумиром не только в ее, но и в собственных глазах. Такая женщина достойна любого монарха Европы. Владея такой женщиной, невозможно не стать королем. А став им, невозможно не посвятить остаток жизни тому, чтобы овладеть такой женщиной.

Он придет к своему трону. Он добудет корону собственным мечом и только потом предстанет пред воротами того единственного замка, который готов штурмовать всю свою жизнь. Штурмовать, не сжигая и не разрушая, а любя...

– Сте-фа-ни-я...

– Помнишь ту ночь, когда я ворвалась в твою опочивальню?

– Будь я проклят, что согласился привести к себе наложницу-грузинку...

– Напрасно. Наложница была ослепительно красивой и молодой. В этот раз Карадаг-бей по-настоящему расщедрился, – успокоила его Стефания. – Только я пришла не для того, чтобы самой увлечь тебя. И не для того, чтобы своим появлением упрекнуть тебя в неверности.

– Это была последняя моя «неверность», – покаянно поклялся Хмельницкий и, что самое странное, поверил своей клятве. И это он, которого знали не только в графских салонах Потоцких, но и во многих других аристократических кругах...

– Я вообще появилась там не в связи с наложницей, – пропустила мимо ушей его мужские, монашеские клятвы Стефания. – Просто мне вдруг стало страшно. Когда я узнала, что твоего сына пытаются оставить заложником, я испугалась. Мне показалось, что что-то там, при ханском дворе, изменилось. Вмешались какие-то третьи силы. Возможно, что-то насплетничал князь Тибор. Нет-нет, он-то как раз способен на такое. Не оправдывайте его, полковник... И они решатся отравить вас. Сейчас. Чтобы не взрастить у себя под боком полководца, перед чьим именем со временем будет трепетать весь таврический Татарстан. Меня пригнал к вам страх – вот в чем дело.

– Такая опасность, конечно, была. Но я не думал о ней.

– Еще бы! Растаяв под ласками юной наложницы, – не удивилась Стефания. – А я вот испугалась. Мной овладел страх потерять вас. Навсегда. Вернуться в свою Моравию в еще большем одиночестве, чем покидала ее, для меня это было бы невыносимо. А так я возвращаюсь, унося в душе вас, мой степной рыцарь.

– Сте-фа-ни-я...

– Бог-дан... Я возвращаюсь туда, за холодные стены своего гордого одиночества, святой Стефанией Моравской. О чем еще никто не догадывается и вряд ли когда-нибудь догадается.

– Мы сохраним это втайне не только от папы римского, но и от Господа Бога.

– Кажется, я уже сотворила себе своего Бога, да простят меня все прочие боги, на земле и небесах сущие – от Иисуса до Магомета. Теперь мне есть, кому молиться.

– Поэтому и считаю тебя своей святой.

Их губы искали друг друга. Их глаза пытались пробить взорами едва освещенный луной мрак, чтобы слиться со взглядом другого. Их руки то сплетались, то блуждали под одеяниями, терзаясь вечной тоской влюбленного тела и растерзанного любовью духа.

– Бог-дан...

– Сте-фа-ни-я...

– Появившись тогда в опочивальне, я спасла тебя от того, что могло случиться в ту ночь.

– Только так отныне я и буду воспринимать твое появление в замке Карадаг-бея.

– Когда-нибудь я точно также появлюсь в твоём замке.

– Из трёх степных шатров?

– ...Между двумя рядами повозок и оцеплением из костров, на которых будет готовиться в котлах нечто такое, что не имеет никакого названия... – поддержала его Стефания.

И Хмельницкий вновь, уже в который раз, задался совершенно невыносимым вопросом: как случилось, что до сих пор он жил, не зная этой женщины? Как случилось, что большую и лучшую часть своей жизни он прожил, даже не догадываясь, что где-то томится в своём величественном одиночестве его святая Стефания Моравская?

В том, что жизнь так жестоко распорядилась их бытием, было что-то слишком несправедливое по отношению к ним обоим.

12

Это странствие не могло быть вечным. Их путь обрывался посреди степи, у заброшенного казачьего хуторка-зимника, который находился уже верст за двадцать севернее Бучского острова, приютившего повстанческий отряд Хмельницкого, – дальше продвигаться было опасно. Им и так дважды встречались разъезды реестровых казаков, состоявших на службе у поляков. Если полковнику удавалось избежать стычки с ними, то лишь потому, что княгиня Бартлинская выдавала его за чешского дворянина, командира своей охраны. А никто из казаков, имевших приказ арестовать Хмельницкого, где бы он им ни попался, не знал его в лицо.

– Я все поняла, – положила свою руку на ладонь полковника княгиня Стефания, когда, после придиричьих расспросов, им с большим трудом удалось развеять подозрения второй заставы. – Вам следует возвращаться, полковник. У нас, конечно, достаточно людей, чтобы справиться с подобным разъездом, но мне не хотелось бы начинать свое путешествие по польскому королевству, устилая украинскую степь трупами его воинов.

– Благоразумное решение, – согласился Хмельницкий. – Советую навестить крепость Кодак и потребовать несколько реестровых казаков для сопровождения. Хотя бы до Чигирина. Как видите, здесь небезопасно. Рекомендательного письма Потоцкого, которое имеется у вас, будет вполне достаточно, поскольку граф Николай Потоцкий является сейчас коронным гетманом.

– Но у меня есть и грамота полковника Хмельницкого, – с легкой грустинкой напомнила Стефания.

– На тот крайний случай, когда подвергнетесь нападению отряда повстанцев, идущего на Сечь. Эти отряды пробираются ко мне, поэтому моего письма будет вполне достаточно, чтобы остепенить их. Если только среди этих сорвиголов обнаружится хотя бы один человек, владеющий грамотой и знающий, кто такой Хмельницкий.

– Решено, остановлюсь в Кодаке. – Несколько минут они ехали молча, оставив обоз и охранение у зимника. Они удалялись в степь, в сторону польской крепости и, казалось, нет силы, способной разлучить их, пусть даже перед лицом самой страшной опасности. – Насколько я поняла, вам вскоре придется штурмовать эту крепость.

– Сразу же после того, как удастся выбить польский полк с Хортицы. Впрочем, извините... Вы не должны быть посвящены во все эти дела.

– Должна, полковник, должна. Я постараюсь остановиться в Кодаке и все внимательно осмотреть и узнать. Если бы нам суждено было увидаться вновь, я смогла бы сообщить, какой там гарнизон и сколько орудий. Ведь это важно для вас?

Хмельницкий взглянул на Стефанию с явным испугом. Не хватало только, чтобы, ради их дружбы, она превращалась в шпионку.

– Не смейте рисковать собой. Если понадобится, мои казаки добудут десятки пленников и узнают все, что только нужно знать. К тому же надо учесть, что я уже бывал в этой крепости и отлично знаю ее план и мощь.

– Ну что вы так встревожились?

– Слышите, княгиня, я запрещаю вам предпринимать что-либо такое, что может поставить вас под подозрение. Мы уже, по существу, в состоянии войны с польской армией, а значит, времена наступили суровые.

Спустившись в небольшую долину, Хмельницкий первым сошел с коня и помог сойти Стефании.

Они ничего не говорили друг другу. Все, что можно было сказать, уже сказано. Все, о чем можно было помолчать, – утоплено в молчании.

На глазах ее он видел слезы, однако не смел утешать, поскольку, к стыду своему, не знал, что поделаться с собственными слезами. И это он, «полковник-иезуит», как называли его поляки, разжалобить которого было не легче, чем камень.

– Сте-фа-ни-я...

– Бог-дан...

Эти два слова заменяли им целые исповеди, поскольку ими они могли выразить все то, что не способны были выразить всеми остальными словами.

– Сте-фа-ни-я... – произносил он словно заклинание.

– Бог-дан... – вторила она. – В Кодаке я постараюсь не задерживаться. Основательно отдохну уже в Черкассах, где надеюсь найти приют в одном из имений Потоцких.

– Моего, как оказалось, лютого врага. А ведь именно с его благословения в 1638 году, сразу же после разгрома повстанцев гетмана Гуни ⁸, я был избран сотником реестрового казачества. Да и потом судьба сводила. С татарами да турками воевать все же легче, нежели со своими братьями-славянами. Что же касаемся Польши, то трудно сказать, какой крови больше пролито нами в схватках друг с другом: той, что закипает в нас во вражде, или той, что роднит сотни тысяч наших родов?

– Бог-дан...

– Сте-фа-ни-я...

– Я понимаю, как тебе нелегко сейчас. Даже думаю о том, что, может быть, еще не поздно отступить от своих замыслов.

– И это говорите вы, княгиня!

Стефания грустно улыбнулась.

– Да, это говорю я, мой старый степной воин. Оказывается, я способна изрекать и такое.

– А как же быть со священным факелом на вершине Олимпа, огонь которого должен освящать все мои помыслы и деяния?

– Бог-дан...

– Сте-фа-ни-я...

– Буду утешать себя тем, что войну вы начинаете не из вражды к родственным мне князьям Потоцким, а из любви к страждущему народу своему.

– Что очень важно осознавать. Прощайте, святая Стефания Моравская.

– Прощайте, мой степной рыцарь.

Пока обоз уходил в сторону Кодака, Хмельницкий с грустью смотрел ему вслед. Вместе с уходом Стефании отходила в воспоминания вся прожитая им в течение этих трех недель странствия жизнь. Да, целая жизнь.

Он стоял на возвышенности и смотрел вслед обозу княгини до тех пор, пока степное море не слилось с его слезой прощания.

– Господин полковник, – взволнованно доложил Савур, успевший за это время провести разведку окрестностей. – Впереди, у речки, польская застава!

– Сколько их там?

– Шестеро.

– Гусары?

– Нет, похоже, что реестровые казаки. Они пока не заметили нас, но лучше обойти их вон по той долине, а лучше – вообще уйти на несколько верст в степь. Тут, неподалеку от Днепра, у них сейчас застава на заставе, перехватывают мелкие группы повстанцев, идущих на Сечь.

⁸ Казак Гуня был избран гетманом повстанческого казачества после того, как гетман Яцко Острянин, поднявший в 1638 году народное восстание, оставил свое войско под Жовнином и с небольшой группой казаков ушел в Московию. Заседание польской правительственной комиссии, которая определяла судьбу казачьего реестра, состоялось в декабре этого же года на Киевщине. На ней-то Хмельницкий и был избран сотником. С этого избрания началась его карьера в казачьем войске польской армии.

– Так мы тоже идем на Сечь.

– Но...

– Скажи им, что ты из отряда Хмельницкого и предложи перейти к нам. Польша платит жалование деньгами, Украина – надеждой и слезами. Пусть выбирают.

– Так и передам.

– Пока мы преодолеем вон те холмы, переговоры должны быть завершены!

Однако отведенного времени Савуру и двум его казакам хватило лишь на то, чтобы понять: застава реестровиков переходить на сторону повстанцев не собирается. Жалование и армейский харч их вполне устраивали. Мало того, поняв, что имеют дело с эмиссарами Хмельницкого, казаки ринулись было за ними в погоню, не сообразив, что за холмами их ждет засада.

Спешившись, Хмельницкий и его спутники укрылись за повозками и крупами коней и встретили реестровиков залпом из пистолей и луков. Один польский служака сразу же был убит, двое остались без коней, остальные, отстреливаясь, начали уходить в степь.

– Что делать с этими? – незло спросил Савур, указывая кончиком сабли на двух реестровиков. Один из них попытался спастись на раненом коне, другой, сам легко раненный, убежал вместе с ним, держась за стремя.

– Изрубить! – жестко приказал Хмельницкий.

Савур удивленно взглянул на него, как бы вопрошая: «Может, все-таки пощадить? Это же украинские казаки!».

– Что смотришь, сотник? Я сказал: изрубить! И можете считать, что двумя врагами на этой земле стало меньше. Не сомневайтесь, нас реестровики щадить не станут.

– Как скажешь, полковник...

«Савур и другие повстанцы видели меня с женщиной, да к тому же – с иностранкой, – поиграл желваками Хмельницкий. – А значит, видели слабым. Им не верится, что после всех тех прощальных ночных костров и расставаний я сумею остаться воином, командующим повстанческой армии. А мне такая слава не нужна».

– Тех, что все еще в седлах, тоже снять! – прокричал он, выхватывая саблю и увлекая казаков в погоню за заставой.

13

Виконт де Жермен провел папского нунция и вернулся в кабинет. Кардинал вновь стоял у залитого дождем окна, словно, собравшись в дальнюю дорогу, мучительно ждал соответствующей погоды.

– Вы не правы, виконт, – молвил он, не оглядываясь на секретаря, а попросту уловив его присутствие, – далеко не всякое посещение нашего с вами обиталища папским нунцием заканчивается обоюдной анафемой. Иногда мы с нунцием даже умудряемся благословлять друг друга.

– Вы имеете в виду согласие, которого достигли по поводу папского послания?

– Не возражайте, виконт, это действительно неплохой ход. Нам во что бы то ни стало нужно заполучить это послание. И, уже прикрываясь им, как фиговым листком...

– Весьма дальновидно, – кротко согласился де Жермен.

– И пусть только нунций посмеет явиться ко мне в следующий раз, не имея такого послания, – воинственно молвил Мазарини, возвращаясь к столу и решительно усаживаясь за него с видом человека, только что обстрипавшего важное государственное дельце.

– Можете не сомневаться, он обязательно появится с неким секретным посланием, как шулер – с тузом в рукаве. Причем я совершенно не удивлюсь, если это произойдет поразительно скоро.

– А почему это вы не удивитесь, виконт? Что это вы загадочно так пророчествуете здесь, не боясь прогневить ни меня, ни хотя бы Всевышнего – что, конечно, менее опасно для вас?

– Да потому, что это же послание уже лежало в папке нунция. В той самой, которую он так демонстративно выставил на столе перед вами.

Наступило тягостное молчание, которое кардинал и его секретарь долго не решались нарушить.

Прежде чем подняться, Мазарини неожиданно брезгливо провел рукой по столу, будто хотел смести все имеющиеся там бумаги, освобождая место под ту единственную, которую желал видеть там и не увидел.

– То есть вы уверены... что послание папы римского уже существует и что оно находилось в папочке нунция? – глухим сдавленным голосом спросил он секретаря. – Или это всего лишь ваше предположение?

– Абсолютно. Когда я приглашал его, нунций доверительно сообщил мне об этом, спросив, не лучше ли будет, если я сам передам вам это послание. То есть на словах волю папы передаст он, а, следовательно, формальности будут выполнены... Но помня, что вы – кардинал, и зная ваше отношение к подобным посланиям... В то же время, боясь оскорбления, которое может быть невольно нанесено не только ему, как папскому послу, но и самому Непогрешимому!..

– И вы, конечно, отказались принять послание папы?

– Естественнo. Сославшись не на лень свою, а на существующий этикет. В свою очередь, нунций не решился выложить его вам на стол. То есть, точнее, не успел выложить его, поскольку вы столь неожиданно повели речь об услуге, которую посол может и должен оказать вам Мазарини вновь сел, нет, буквально упал в кресло, и вдруг громко расхохотался. Он хохотал долго и неискренне, принуждая себя к этому смеху, в котором пытался утолить жажду разочарования самим собой. И чем дольше он смеялся, тем отчетливее виконт понимал, что не такую уж хорошую услугу он оказал своему шефу, как ему казалось.

– Много раз я давал себе слово уволить вас как личного секретаря, виконт де Жермен. Несколько раз, как вы помните, даже готовил соответствующие распоряжения...

– Извините, ваше высокопреосвященство, но я вынужден был готовить эти распоряжения сам. Поскольку вы до сих пор не назначили себе второго секретаря, который, кстати, вам положен.

– ...Но теперь я сказал себе: нет, с таким секретарем я не расстанусь даже в том случае, если меня изгонят из кабинета первого министра вместе с ним. Если только не из-за него.

14

Шел четвертый день изнурительной походной муштры. Поднимаясь на возвышенность, на которой еще чернели остатки сгоревшей когда-то давно казачьей сторожевой вышки, Хмельницкий часами наблюдал, как его крестьянское войско, под командованием опытных казаков, спешно возведенных им в звания полковников, сотников и хорунжих, постепенно превращалось из неуправляемой, бунтующей вооруженной массы – в более или менее дисциплинированное войско.

По степи еще гуляли холодные зимние ветры. Под февральской стужей покрывались ледяной проседью едва приметные ручейки, образовавшиеся здесь, на диких равнинах, после недавней случайной оттепели. А низкие серые небеса набухали фиолетово-синими нарывами предвыюжных туч, медленно накрывая собой небольшие холмы, встающие на границе между Диким полем и Приднепровской возвышенностью.

Не привыкшие к трудным военным учениям, крестьяне измученно роптали, тем не менее вновь и вновь шли на штурм этих холмов словно на бастионы Кодака. Но, прежде чем бросаться на очередной штурм, пехотинцы рытьем окопов оскверняли не потревоженную плугом землю, зарываясь в нее с таким остервенением, словно, возненавидев весь мир, погружались в собственные могилы. Валы, возникавшие между их окопами, бурными косогорами и серым поднебесьем, вполне могли сойти за могильные насыпи.

– Кажется, они уже выбились из сил, – попытался прервать эту воинскую экзекуцию полковник Клиша, представая перед Хмельницким. – Надо бы дать им передышку и вернуть в лагерь на Бучском, иначе часть обморозится, часть разбежится.

– Они пришли сюда сражаться. Пусть познают, что такое военный поход, хотя бы на таких отроческих забавах.

Клиша понимающе помолчал и отсюда, с высоты холма, вновь осмотрел муравьиную возню крестьянских сотен. Одни из них все еще штурмовали небольшую гору, тащась туда со штурмовыми лестницами и пытаясь преодолевать по ним словно по кладкам ими же вырытые крепостные рвы; другие учились сводить в лагерь крестьянские повозки, стягивая их колеса цепями и поднимая вверх оглобли; третьи в сотый раз меняли позиции двух старых, отрытых из песка – из казачьих тайников – турецких орудий, припрятанных еще, как говорят, со времен кошевого атамана Микошинского.

Сам Клиша подобной выучки не знал даже на Сечи. О ней вспоминали разве что сечевые старцы, да и те – из воспоминаний таких же старцев. Говорят, таким образом когда-то готовил свои войска только Криштоф Косинский⁹, до конца дней своих не признававший казачьей вольности и пытавшийся из такой вот «вооруженной отары», создать войско, которое по дисциплине своей не уступало бы римским легионам.

– Мне известно, что на Косинского ты, полковник, молишься, как на икону Николая Чудотворца, – едва заметно ухмыльнулся Хмельницкий.

Тридцатилетний полковник молча кивнул. Истощенный какой-то хворью, он и сам немало страдал от учений, однако признаться в этом Хмельницкому стеснялся.

– Кажется, ты даже из рода этого рыцаря?

– Хотя не все верят этому.

– На Сечи родословные не в чести. Здесь в чести та слава, которая добыта каждым из нас.

⁹ Криштоф Косинский – гетман Запорожского казачества (1591–1593 гг.). Руководитель (в эти же годы) крупного антипольского восстания. Согласно данным польского хрониста Иохима Бельского был подло убит слугами черкасского старосты Александра Вишневецкого во время переговоров с польским командованием в Черкассах летом 1593 года.

– Но лучше добывать ее, зная, что точно так же честно добывали эту славу твои предки, знатные казачьи атаманы.

– Мне, полковник, нужна не слава твоих предков, а твой воинский опыт. Поэтому казаков своих не жалею. Наша жалость к ним проявится там, под стенами Кодака и мощных княжеских замков. Когда вместо глупой смерти тысяч повстанцев, по-солдатски погибнут всего лишь сотни. Да и те, изумляя врагов своим искусством.

– Понял, гетман.

Хмельницкий внимательно взглянул на полковника. Клиша был первым, кто назвал его гетманом, титула которого он еще не удостоен и неизвестно, удостоится ли когда-нибудь. Однако сейчас лицо Клиши оставалось непроницаемым.

«Этот поддержит меня, – понял Хмельницкий. – Как бы ни сложилась ситуация на казачьем совете».

– Говорят, ты знаешь татарский?

– Два года пробыл в плену. Под Кафой. Но и до этого мог допросить попавшегося мне в руки татарина. Есть кто-то важный?

– Важным будешь ты, полковник. Вновь отправишься в Крым, только в этот раз – главе моего посольства¹⁰.

– Кто меня там примет? – растерянно усмехнулся Клиша. – Кто там, в Бахчисарае, станет слушать меня, полковник?

– Вначале тебя выслушают в Перекопе. Сам Тугай-бей, которому я напишу письмо. В этом же письме буду просить, чтобы он отправился с тобой в Бахчисарай и помог убедить Ислам-Гирея заключить с нами военный союз.

– С нами? С кем это? – оглянулся вокруг себя Клиша.

– Какой же ты дипломат, если спрашиваешь «с кем»? – полушутя-полувсерьез упрекнул его Хмельницкий. – С нами – с народной армией Украины, в которой казачество слилось с отрядами ополченцев. Огромной, сильной армией, насчитывающей уже около ста тысяч сабель, – обвел он рукой поле учений, на котором было чуть более трех тысяч воинов.

Клиша уже по-новому осмотрел их воинство и задумчиво поскреб подбородок.

– Ста пока нет. Но ведь будет же когда-нибудь, правда, гетман? За нами пойдут. Должны пойти. Много полков и отрядов создано в глубинах Украины, которые уже действуют и которые ждут нас.

– Вот об этом и скажешь в Бахчисарае, помня, что пот, который костяк нашего войска проливает в эти дни на ратных полях, вернется нам спасенной кровью братьев наших.

– Должен вернуться. Когда в дорогу, гетман?

– Завтра.

– Но... надо бы...

– Поспишь в седле. Ночь посидишь с двумя пленными татарами, вспомнишь язык, свыкнешься с ордынцами, чтобы не тушевался перед ними.

– А кто его знает? – азартно встрепенулся полковник. – Вдруг нас уже более ста тысяч? Как думаешь, поверят, если тысяч на десять привру?

– Главное – не проговорись, что нас тут и четырех тысяч не набирается, величайший из врунов Дикого поля, – иронично предупредил Хмельницкий. – Вояк еще кое-как по селам наскребу, – вздохнул он. – Но где взять дипломатов, способных говорить не только с ордынцами, но и с Европой?

¹⁰ Исторический факт: полковник Яцко Клиша во главе небольшого посольства прибыл вначале в Перекоп, а затем, вместе с мурзой Тугай-беем, отправился в Бахчисарай, чтобы окончательно договориться о военном союзе казаков в борьбе против Речи Посполитой.

15

Бал у герцогини д'Анжу кардинал Мазарини использовал для того, чтобы в непринужденной обстановке встретиться с нужными ему людьми – министрами, промышленниками, владельцами крупных поместий в окрестностях Парижа.

Он не так уж часто посещал подобные аристократические собрания, но по его приказу виконт де Жермен составлял не только список балов и заседаний салонов, которые предполагались в Париже в течение текущего месяца, но и через доверенных лиц тщательно знакомился со списками приглашенных. Так что Мазарини знал, куда он шел и на кого следует тратить время. Пользуясь возможностью, он не раз умышленно подставлял себя под «случайный разговор» с тем человеком, которого уже давно собирался пригласить к себе в рабочий кабинет. Но там была бы иная атмосфера, а, следовательно, складывался бы совершенно другой разговор.

Появление графини де Ляфер на балу у герцогини не планировалось. Что, однако, не помешало владелице солидного замка в Шварценгрюндене «снизойти» в разгар бала, без мужа или сопровождающего, в роскошном белом платье, которому позавидовала бы любая королева мира.

– Из всех добропорядочных аристократов, осчастлививших своим присутствием нашу герцогиню, мне, признаться, нужны только вы, мсье кардинал, – предстала она перед Мазарини в то время, когда слуги начали уже по третьему кругу разносить бокалы с вином.

– Не знаю, будет ли прок от нашей беседы, – мило улыбнулся Мазарини, – но что весь парижский свет заметит, как первый министр блистал в обществе супруги помощника одного из своих министров, не сомневаюсь.

– А какое множество милейших версий породит это событие, – почти застенчиво улыбалась графиня, наклоняясь к Мазарини так, словно собиралась пить на брудершафт. – Однако у меня к вам дело, – ограничилась Диана де Ляфер всего лишь игривым чоканьем бокалов. – Срочное и весьма важное. Не только для нас с вами, но и для Франции.

– Вы – известная в Париже интриганка, – шутливо заметил кардинал, – поэтому я не верю ни одному вашему обещанию, вообще ни одному слову.

– Пожалее, ваше высокопреосвященство.

– Вы кого угодно завлечете в свои сети и обманете, – грубо отшучивался кардинал, отходя тем не менее к стоящему за колоннадами небольшому столику на двоих. – Не говоря уже о бедном первом министре, известном своей епархиальной доверчивостью.

Однако графиня не обращала внимания на его мрачноватую браваду. Она уже почувствовала, что кардинал действительно заинтригован, а значит, из пленительных объятий ее романтического полубреда уже не вырвется.

– Но только предупреждаю, мессир кардинал, – тарасила она свои колдовские глазищи, – с этой минуты мы почти что заговорщики. Каждого, кто предаст, ждет черная метка. Как истинному сицилийцу, вам, господин Мазарини, надеюсь, известен этот символ пиратской мести?

– Признаться, все тонкости пиратских налетов и атрибутику убийств из-за угла я начал познавать не на пиратской Сицилии, а здесь, в Париже, в великосветских салонах. Но пусть вас это не смущает. Можете считать, что свою «черную метку» я уже получил. Валяйте, графиня, втаскивайте меня в еще один заговор против самого ненавистного мне, вам и всей Франции... кардинала Мазарини!

– Вы бесподобны, мессир. Как жаль, что я умудрилась родиться не на Сицилии.

Рассказывая кардиналу о таинственной Афронормандии, графиня поражалась собственному воображению. Она сообщала Мазарини такие подробности будущего путешествия, так разрисовывала божественность этого земного рая, что дон Морано, будь он жив, со слезами на

глазах вынужден был бы признать, что лично он никогда этой земли не видел, а все, что знает о ней, узнал только сейчас, со слов истинной очевидицы.

Тем не менее выдавить слезу умиления у Мазарини ей не удалось. Легче было расчувствовать сотню закоренелых пиратов, нежели этого покорного слугу короля и святого престола.

– Свой корабль «Гяур», как я понял, вы уже снарядили и предлагаете мне место шкипера, – подстрелил он графиню на взлете ее фантазии.

– Только в том случае, когда, воспользовавшись своей нынешней должностью, вы можете нам снарядить еще один корабль, спасая нас тем самым от соблазна добыть его известным пиратским способом. Кстати, это второе судно тоже может появиться как владение некоей судоходной французской компании, что избавит ваших министров от дипломатической щепетильности при определении владельца Афронормандии и целей самой экспедиции.

Вместо того чтобы сразу же ответить, Мазарини демонстративно отвлекся, приветствуя великосветские поклоны нескольких знатных граждан Парижа и нового посла Персии, затем, уgomонившись, принялся столь же демонстративно осматривать декольте графини де Ляфер, словно собирался тут же, не уходя с балного зала, раздеть ее.

– По-моему, все, чем я могла соблазнить вас сегодня, ваше высокопреосвященство, уже было пущено мною в ход, – сердито окрысилась на это блудоглазие старого ловеласа Диана. – В ближайшие годы рассчитывать вам больше не на что.

– Так, значит, речь идет о годах... – задумчиво склонил голову на собственное плечо Мазарини. – Тогда стоит вернуться к пленительной идее, связанной с покорением вашей Афронормандии.

«По крайней мере у него хватает мужества... и ума не связывать свои, пусть даже весьма сомнительные, услуги, с моими, не менее сомнительными...» – с признательностью отметила графиня. Не для того она мчалась сюда со Шварценбургендена и тратилась на новое платье, чтобы все было сведено к банальному соблазнению невинной кокетки.

– Ну, годы, это, может быть, сказано слишком. Но если вы заявите, что помочь мне в этой экспедиции невозможно, считайте, что в ближайшие месяцы эта крепость, – невинно провела она руками по своей груди и талии, – останется для вас неприступной.

– Я только что вспомнил о другой... крепости, о Дюнkerке, – искусно, а главное, вовремя, сменил тему опытный дипломат. – Говорят, князь Гяур проявил там чудеса храбрости.

– Но это уже не слухи, господин первый министр, – возмутилась графиня. – Был бы он французом, его следовало бы объявить национальным героем.

– Мало того, этот гусар-драгун неожиданно проявил какие-то исключительные флотоводческие способности, перетопив чуть ли не эскадру испанских военных кораблей. А затем, оказавшись в плену, сумел не только убежать, но и прихватить свою плавающую тюрьму.

– Этот корабль дарован ему главнокомандующим вместе с чином генерала.

– Почему не адмирала? – неожиданно встрепенулся Мазарини. И графиня поняла, что вопрос возник не по прихоти игривого настроения кардинала. За ним что-то стоит.

– В самом деле, почему? – поддержала его в том же духе. – Если уж генерал прославился на все побережье, от коготков Нидерланд до кончика носа Испании?

– Он, конечно, может оставаться и генералом, возглавляющим экспедицию... Но лучше, если бы... Словом, первое, что следовало бы сделать князю Гяуру, так это вернуться во Францию, чтобы возглавить вашу экспедицию. Думаю, что когда об этом его станет просить первый министр, сердце генерала не содрогнется. Иное дело, когда от имени первого министра и королевы просить станете вы, графиня.

– Если уж таков мой жребий, – скромно опустила глаза де Ляфер.

– Вернувшись сюда, он, прежде всего, за свой счет переправит на родину, то есть к польским берегам, оставшихся наемников-казаков Сирко, содержать которых у нас уже нет возможности. Как, впрочем, и оплатить их путь назад. Казна задолжала им столько, что мне и

принцу де Конде выгоднее объявить их врагами Франции и вступить в сражение с ними, чем в сражение с казной.

– И не стыдно вам, господин первый министр?! – прямо спросила графиня. Она чувствовала себя причастной к появлению здесь корпуса храбрецов-казаков, значит, вполне обоснованно считала себя причастной к тому казначейскому позору, с которым Франция представляла, увы, не только перед степными рыцарями.

– Признаться, за всю мою службу никто не ставил вопрос столь по-детски наивно и столь убийственно, как это сделали вы, милая графиня.

– В этом ошибка французской общественности. Но вернемся к князю Гяуру, которому вы, слава Богу, ничего задолжать не успели. В противном случае он тотчас же поступил бы на службу к испанскому королю и пустил на дно весь французский флот, вместе с гарнизонами наших прибрежных крепостей.

– Первым жестом – вашим и князя Гяура – благородства станет отправка казаков к берегам Польши. За свой счет, на принадлежащем ему корабле. Что конечно же будет освещено в газетах и обсуждено в салонах.

– Их все еще много, этих казаков?

– Не так уж... Часть погибла. Часть, насколько я знаю, успела пасть под взглядами пылких французских девиц и вдов и намерена навсегда остаться во Франции, что лишь приветствуется нами. Какую-то часть мы, возможно, отправим попутными кораблями. Но офицеры и казаки, не покоренные француженками, остаются на вашем попечительстве.

– Какая «щедрость» с вашей стороны!

– Не язвите, графиня.

– Тогда обратимся к условиям приобщения Гяура к французской экспедиции в Африку.

– Вернувшись после переброски казаков в Польшу к причалам Кале, вице-адмирал Гяур узнает, что ему придаются еще два военных корабля, и с этим отрядом ему надлежит очищать побережье Франции от обломков испанского флота, истребляя в первую очередь «прибрежных корсаров», наловчившихся высаживать свои десанты в самых неудобных для нас местах. Если при этом вице-адмирал умудрится захватить два-три корабля испанцев... То кто станет возражать против того, чтобы они тоже были присоединены к его отряду?

– А после завершения всех баталий...

– Вот именно, графиня, кто сможет помешать князю после завершения всех баталий взять своего «Гяура» и те корабли, которые он захватит в абсордажном бою, и отправиться к берегам Африки, чтобы проинспектировать наши заморские колонии, а заодно попугать местных пиратов?

– Думаю, что никто...

– Вот видите, графиня, вы все же сомневаетесь. А я могу заявить вам со всей решительностью: ни одно благородное дело, совершенное во имя Франции и короля, не остается незамеченным нашей благословенной родиной. Кажется, мы уже обо всем договорились, графиня?

– Хочется надеяться.

– Если у вас возникнут вопросы, можете появиться у меня завтра, к концу дня... и мы все обсудим.

Они встретились взглядами и отлично поняли друг друга.

– Только сделаем это не завтра, ваше высокопреосвященство. После сегодняшней нашей беседы мой предвечерний визит будет сразу же замечен и «не так» истолкован. А нам ведь нельзя портить отношения с Ее Величеством королевой Анной Австрийской, не правда ли? – мило улыбнулась Диана, давая понять, что кое-какие тайны французского двора не такие уж тайны даже для нее, шварценгрюнденской провинциалки.

– Вы, как всегда, непоколебимо мудры, – едва заметно побагровел Мазарини.

16

Полк провел последний «штурм» холма, который воспринимался новобранцами как сильно укрепленный вражеский лагерь и, разведя костры, готовился к еще одной походной ночи.

Хмельницкий понимал, что три дня таких учений вряд ли способны превратить сборище необученного люда в дисциплинированный казачий полк, но все же тешил себя, что хоть чему-то эти люди обучились. И даже приказал отобрать сотню наиболее способных воинов, которых можно будет назначить хорунжими и сотниками тех повстанческих полков, которые еще только предстоит сформировать.

В отличие от остальных новобранцев эта сотня теперь не отдыхала, а под командованием казаков реестра обучалась пешему строю, ходила в наступление прусской колонной и турецким янычарским полумесяцем; отбивала атаки, стоя в небольшом каре, напоминавшем римскую фалангу.

Глядя на то, как будущие офицеры постепенно превращаются в европейское воинство, повстанцы начинали верить, что с таким гетманом они действительно смогут не только отбиваться от поляков, но и побеждать их. Само умение сражаться в строю, в конной лаве, в укрепленном лагере казалось им тем высоким воинским искусством, овладев которым, они превращались в непобедимое войско.

– Там карета, атаман! – неожиданно появился у шатра гетмана полковник Ганжа.

– Ну, карета? – с трудом вырвался из потока своих размышлений Хмельницкий. Он стоял между шатром и небольшим костром, наблюдая, как на равнине, у подножия холма, под восходящим месяцем, разворачивается военное представление сотни будущих казачьих офицеров.

– Мы перехватили ее.

– Ну, перехватили. Карету сопровождают двадцать реестровых казаков, с которыми вы не в состоянии справиться?

– В моем дозоре было только пятеро. Но те, у кареты, не сражаются. Наоборот, просят свести с вами.

– Это казаки?

– Княгиня.

– Какая еще княгиня? – насторожился Хмельницкий. – Родовое имя у этой княгини есть?

– «Неужели Стефания Бартлинская? – загорелась в душе полковника искра надежды. – Но откуда? Как она могла оказаться здесь? Нет, такое невозможно!».

– Имя есть. Она даже назвала его. Но только что-то я не запомнил. Не старая еще княгиня... Они все... панночки как панночки.

– Шел бы ты к черту, полковник, со своими «панночками». Какой от тебя толк, если ты уже не способен даже имен запомнить? – полушутя проворчал Хмельницкий и, кликнув сотника Савура, неохотно взобрался в седло.

Карета и ее охрана оставались по ту сторону речушки. Но вовсе не потому, что не могли преодолеть ее, а потому что владелица кареты опасалась показываться в лагере повстанцев. Она просила полковника Ганжу никому, кроме Хмельницкого, не сообщать о ее прибытии, и даже имя забыть.

– Поспешите, полковник, поспешите! – услышал Хмельницкий негромкий бархатный смешок, такой знакомый ему. – Не то вновь исчезну, как вечернее привидение.

– Вы ли это, княгиня?!

– Конечно же я. – Вся в белом одеянии, она ступила на подножку кареты, однако сойти на еще не просохшую от вчерашнего дождя землю не решилась. – Сколько бы раз я ни появлялась пред вами, каждый раз вы почему-то сомневаетесь в моем существовании.

– Нужно очень долго не расставаться, чтобы наконец поверить, что вы в самом деле не причудились мне, – согласился Хмельницкий. – Но, что поделаешь, появление в этой степи такой девы...

Только поцеловав ее руку, ощутив пьянящий запах тонких духов, незаметно проведя ее пальцами по своему лбу – он повторял жест, которым Стефания любила успокаивать его во время удивительного странствия по степям Крыма и Приднепровья, – Хмельницкий с трудом поверил, что все это происходит на самом деле. Что перед ним действительно женщина в белом словно невеста – в подвенечном платье... И что ее неподражаемый, неземной, бархатный голос, способный очаровать кого угодно, – не иллюзия...

– Сте-фа-ния... – покачал он головой, пытаясь развеять охватившее его наваждение.

– Бог-дан, – прошептала она, сильно налегая на первый слог. Все поляки произносили его имя именно так, «Бог-дан», и все же в устах Стефании Бартлинской оно звучало по-особому – нежнее, загадочнее...

– Как вы оказались здесь, ваше сиятельство? Как вообще могли оказаться в этих краях, Стефания?

– Непостижимо долгий рассказ. Настолько долгий, что, стоя на подножке кареты, под холодным днепровским ветром, изложить его невозможно.

Произнесла она все это томным салонным голосом, который естественнее было бы слышать в утренних спальнях лучших дворцов Варшавы или Праги. Однако содержавшийся в ее словах намек был вполне в духе Королевы отверженных.

– У меня там – шатер и костер. Походный замок для степной княжны.

– Еще не забыли... о своей «степной княжне»?

– Это невозможно... Ни вспомнить, ни забыть.

Наградой ему стал бисерный смех – очаровательный, как сама обрамленная двумя ямочками и слегка вздернутым носиком улыбка Стефании.

– В ответ на ваш «шатер и костер» я могу предложить карету. Преимущество в том, что она способна двигаться. Куда угодно, лишь бы подальше от лагеря. И, по-моему, в ней не так уж холодно, поскольку это та утепленная карета, в которой мы путешествовали по татарским улусам.

Карета Стефании действительно обладала удивительной способностью – катиться как бы сама по себе. Непонятно, по каким дорогам, и непонятно, куда.

Обнявшись, они блаженствовали на ее заднем сиденье. И чем немилосерднее швыряло карету, тем немилосерднее швыряло в объятия друг друга и ее пассажиров.

– Сте-фа-ния...

– Бог-дан...

Где-то там, позади, за холмами, остались походные костры повстанческого полка, грозные команды запорожских старшин и звон неумелых сабель. Где-то там упорно готовились сражаться и погибать, проклинали тех, от кого бежали в степь, и надеялись на тех, кто поведет их завтра в бой.

– Сте-фа-ния...

– Бог-дан...

Никто и никогда не произносил так его имени. Никто и никогда. Это слово срывалось с губ женщины, словно утренний бутон доселе невиданного цветка. Иногда Хмельницкому казалось, что рядом с этой женщиной он теряет всю свою волю, свою надменную сдержанность и, кто знает, возможно, жестокость...

Прикасаясь к ее волосам, он пытался сравнить их с паутиной бабьего лета и оставался недоволен убожеством своего сравнения и самой фантазии. Целуя в слегка припухшие, по-детски капризные губы, он пытался увидеть в них красоту лепестков, хотя и самого его корбило от несовершенства и банальности такого восприятия.

Эта встреча вновь возвращала его в студенческие годы. В молодость. В страдания у подъездов львовских и краковских аристократок. В мечты о замке, построенном где-нибудь между Хелмом и Краковом, в котором будет положено начало графского или княжеского рода Хмельницких. Почему именно между Хелмом и Краковом – этого он объяснить не мог.

– Сте-фа-ния...

– Бог-дан...

Кони медленно взбираются на какую-то возвышенность. Не слышно голосов охраны. Не слышно шелканья кнута и хриплого голоса кучера. Все вокруг замерло. Карета движется сама по себе. Возможно, лошадей из нее давно выпрягли, но она продолжает двигаться, повинаясь лунному сиянию, по дорожке в степь, в развеивающиеся между прошлым и будущим мечты, в вечность...

– Я ждала тебя в Чигирине, очень-очень ждала, Бог-дан.

– Но я никак не мог оказаться там, княгиня. Не то время.

– Понимаю.

– Теперь я – командующий восставшей армии. Меня попросту схватили бы и казнили. Словом, я действительно не мог оказаться там.

– Понимаю, что не мог. Потому и ждала. Ведь, если ты где-либо и мог появиться, то только в Чигирине. Забираться дальше, в Черкассы, в Белую Церковь... мне было страшно. Уж там-то ты не покажешься никогда.

– Покажусь, но чуть позже, – произнес Хмельницкий, имея в виду совершенно не тот визит, о котором мечтала сейчас Бартлинская. – Я ведь не знал, что вы все еще в Украине, княгиня. Вы мне виделись в одном из чешских замков, где-то неподалеку от Праги.

– Это «неподалеку» называется Градец-Карлове, то есть городок короля Карла. Мне не хотелось бы, чтобы вы забывали об этом, мужественный воитель Украины.

– Градец-Карлове... – прошептал Хмельницкий с такой воодушевленностью, словно произносил первые слова церковного гимна. – Значит, все-таки Градец-Карлове...

– Запомнили, воитель? Это вселяет в меня надежду, что когда-нибудь вы предстанете перед скромным замком княгини Бартлинской, отряхнете со своих сапог пыль странствий и скажете: «Господи, что я искал все это время, если здесь меня ждал этот прекрасный замок?!»

– Вы говорили, что он скромный, – нехотая напомнил Хмельницкий.

– Потому и прекрасный, – не так-то просто было смутить княгиню Бартлинскую. – Это чуть севернее Праги, в сторону польского Вроцлава. Оставить вам одного из своих лучников, чтобы у вас был надежный проводник?

– Лучше останьтесь вы, Сте-фа-ния.

– Тогда вы постоянно будете чувствовать себя стрелой, вставленной в туго натянутый лук, обращенный в сторону Градца-Карлове. Вас это не пугает?

– Еще как пугает!

– Вы бесподобны, Бог-дан...

– А вы... вы просто божественны, Сте-фа-ния...

17

Забывшись в поцелуе, они не сразу обратили внимание на то, что карета стоит. Причем стоит уже довольно долго.

Полковник выглянул в окошко. Никого. Ни живой души. Ночное светило взошло во всем своем голубоватом полнолунии. Степь казалась залитой его сиянием словно белым полноводьем. Невесть как оказавшийся неподалеку, у разрытого холма, тополь устремлялся вверх своей строгой кроной словно минарет на обломках разрушенной мечети.

– Что-то тут не то, – пробормотал Хмельницкий.

Стефания полусонно улыбнулась ему. Она все еще пребывала в плену поцелуя, и происходящее вокруг, казалось, совершенно не интересовало ее. Это безразличие ко всему, что не соприкасалось с ее внутренним миром, поражало Хмельницкого еще тогда, когда они только по-настоящему познакомились, по дороге из Бахчисарая в Перекоп. Теперь он убедился, что сие свойство характера княгини вовсе не пригрзилось ему. Эта женщина умела сосредоточиться только на том, что дорого и понятно ей, отбрасывая, отторгая от себя все остальное.

– А что именно «не то»? – неохотно разомкнула княгиня сомкнутые на плечах полковника руки.

– Все не то. Куда подевалась охрана? Где мы сейчас находимся?

– Не все ли равно, где?

– Извините, княгиня, это – степь, в которой наша карета видна за много верст. Ее давно могли выследить. Здесь враги и грабители нападают внезапно, как порыв урагана.

– Видно, мне так и суждено остаться здесь степной княгиней, предав свой Градец-Карлове, – вздохнула Стефания, не проникаясь опасениями полковника.

Выйдя из кареты, Хмельницкий обнаружил, что они стоят на небольшой возвышенности, между какими-то пригорками. А впереди, чуть левее тополя-минарета, чернеет нечто похожее на небольшой шатер. Но самое удивительное, что ни одного воина охраны поблизости. Даже грозные великаны-лучники княгини, всегда неотступно следовавшие за ней, теперь куда-то исчезли.

– Эй, кто здесь, на передке? – негромко спросил Хмельницкий, почти с радостью обнаружив, что одна живая душа все же объявилась.

– Пергаментно, полковник, пергаментно. Можешь считать, что и меня тоже нет.

– Ганжа, ты, что ли?

– Ганжа. Кто же еще?!

– А где остальные воины? – сурово спросил Хмельницкий. – Где охрана, пергаментная твоя душа?

– Там, за холмами. Чуть поотстали. Из лагеря им привезли еды и водки, опять же – шатер...

– А где мы находимся? Где, в какой стороне теперь наш лагерь?

– Тоже за холмами, только чуть дальше.

– А почему ты оказался вместо кучера?

– Так ведь он тоже там, за холмами.

– Пошел бы ты к дьяволу, Ганжа.

– Перейдете в шатер, я уйду. Не к дьяволу, а туда же, за холмы. Чтобы в случае чего...

– Постой, а что это за шатер?

– Шатер как шатер.

– Но кто его там установил?

– Никто не устанавливал. Едем. Видим: шатер стоит. Сухо в нем, тепло. Попоны, ковер.

– Что, так и стоял? И никого вокруг?

– Никого. Пергаментно.

Подойдя поближе, Хмельницкий узнал, что это стоит его собственный шатер. Тот самый, который вроде бы остался в лагере.

– Когда же ты успел перевезти его сюда, Ганжа? – рассмеялся Хмельницкий.

– Да кто ж его перевозил? Едем, стоит... Шатер как шатер... Чего зря мимо проезжать? Входи, полковник. Как полагается, – не уставал он поражать вождя повстанцев своим красноречием.

Вернувшись к карете, полковник обнаружил, что княгиня задремала. Все, что происходило в этой дикой, наполненной враждующими отрядами поляков, казаков, крымских и едисанских ¹¹ татар степи, ее совершенно не интересовало.

«Каким же истинно королевским спокойствием нужно обладать, чтобы оставаться такой безучастной! – позавидовал Хмельницкий. – А многие подозревают меня в иезуитской надменности и презрению ко всему бренному. Хотя по сравнению с Королевой отверженных я всего лишь жалкий недоучка...»

Вежливо разбудив княгиню Стефанию, он вывел ее из кареты и, взяв на руки, понес к шатру. Ганжа тотчас же подогнал карету к шатру таким образом, чтобы загородить ее вход, распряг лошадей и куда-то исчез вместе с ними.

– Это и есть наш Градец-Карлове, княгиня, – объявил полковник, вводя Стефанию в шатер словно принцессу в замок. – Правда, на сей раз – степной... градец.

– Знать бы раньше, что он находится здесь, а не в нескольких десятках миль от Праги!

– Знать бы, Стефания.

– Мы возведем новый, наш градец, на этой самой возвышенности.

– Такого еще не случилось ни в одной из легенд. Но все-таки мы его возведем.

– Бог-дан...

– Сте-фа-ния...

– Бог-дан...

Она раздевалась с истинно королевским величием. И не отдавалась, не покорялась прихоти мужчины, не жеманничала, великосветски торгуясь и страдальчески набивая себе цену. Нет, она... одаривала собою мужчину. Одаривала того, кем дорожила и кем имела все основания гордиться.

Эта женщина вознаграждала его своим бархатным воркованием, своей пленительной улыбкой, той великой тайной женского естества, которую она сама только сейчас познавала со степным князем и с таким же восхищением, как и он.

– Вам ведь никогда не приходилось бывать с такой женщиной, правда, полковник?

– С такой – никогда.

– Бог-дан!..

– Сте-фа-ния!..

Несмотря на то, что в шатре было еще довольно прохладно, она предстала перед ним совершенно оголенной, и свет луны, пробивавшийся через приоткрытый полог и светлую ткань занавеси, мгновенно охватил ее своим холодным пламенем. Нежно прикасаясь руками к ее ногам, Хмельницкий медленно словно великомученик на подножие пылающего креста восходил на этот костер страсти, поражаясь его очищающей силе. Позабыв весь свой предыдущий любовный опыт, полковник восхищался тем жертвенным чудом, что совершался между ним и прекрасной, совершенно непонятной ему женщиной здесь, в походном шатре, посреди зарождавшегося степного утра.

Это были минуты забвения, сотканые из вечности.

¹¹ Земли Едисанской орды располагались между Южным Бугом и Днестром, ограничиваясь на севере рекой Кодымой.

Хмельницкий не обладал этой женщиной, а растворялся в ее ласках, погибал в ее томных вздохах и воскресал в ее призывных столах.

– Сте-фа-ния...

– Бог-дан...

Сотни раз они одухотворенно изрекали свои имена, всякий раз вкладывая в них совершенно иной, только им двоим понятный смысл, подчиненный восторгу познания и зову тоски, роковой неминуемости их встречи и трагическому осознанию близкой разлуки.

– Сте-фа-ни-я...

– Бог-дан...

* * *

Проснувшись утром, Хмельницкий увидел, что лежит в шатре один, перед приоткрытым пологом, освещенным уже довольно ярким и теплым солнцем.

В шатре не осталось ничего, что напоминало бы о пребывании здесь женщины, и, закрыв глаза, полковник еще какое-то время пытался возродить в памяти то, что происходило здесь ночью. Однако очень скоро понял, что возродить такое невозможно, как невозможно вернуть себе загадочный, сладкий сон, перевоплотив его в непостижимый поток грешного бытия.

«Если все это было сном, то я согласен уснуть им навечно. Лишь бы все это было... Всегда. Пусть даже сном...»

Растирая рукой сонное лицо, он ощутил запах духов и задержал ладонь, почти мистически опасаясь, что эти духи – последнее, что позволит ему окончательно поверить в снизошедшую к нему лунную женщину посреди пылающего ночным сиянием и страстью походного шатра.

Насладившись этим эфирным воспоминанием, он подполз к выходу и, выглянув из шатра, охватил взглядом то, что происходило вблизи него.

К своему удивлению, полковник обнаружил, что совсем рядом, лишь на небольшом отдалении от его пристанища, сдерживаемая предупреждениями офицеров и мужской солидарностью, негромко бурлит привычная лагерная жизнь. Судя по всему, большая часть казаков вновь ушла к холмам для их учебного штурма. Еще две сотни упорно окапывались, причем делали это с такой поспешностью, словно враг уже был на подходе. А тем временем от костров и котлов веяло крепко настоящим на сале и чесноке казацким кулешом.

– Ганжа, черт бы тебя побрал, что здесь происходит?!

Полковник сидел напротив входа, на передке повозки, на которой стояло одно из орудий, и с философской задумчивостью смотрел в пространство перед собой, не то что не завидуя гетману, но даже не обращая на него внимания.

– Так ведь обленились же совсем, – кивнул в сторону новобранцев, изопрямляющихся на рытье окопов. – Вечером не уложишь, утром не поднимешь. А какие из них работнички – сам видишь.

– Побойся Бога, что ты несешь? На кой черт мне твои «работнички»? – поморщился Хмельницкий, качая головой так, словно приходил в себя после победной полковой попойки. – Где она? Куда девалась княгиня, Стефания?

– Так ведь кто ж ее знает, где?

– Что значит, «кто ее знает»? Где карета, лучники?

– Лучники там, где и карета. Так ведь знать бы, где они теперь – и карета и лучники. Еще на рассвете уехали. А я вот лагерь сюда перевел, чтобы тебя к лагерю не перевозить.

– Да на кой дьявол мне твой лагерь?! Ты мне по-людски объясни, где княгиня Бартлинская? Куда она ушла? И почему тайком от меня, не попрощавшись?

– Решила выступить еще до восхода солнца, – пожал плечами Ганжа. – Многие так поступают, чтобы день удлинить. Под вечер в Чигирине будет. Затем на Субботов глянет. Это уже когда на Корсунь пойдет.

Хмельницкий нервно пошарил вокруг себя, пытаясь нащупать саблю или пистолет. У него вдруг возникло страстное желание броситься на этого невозмутимого бездушного корытшу и изрубить его на мелкие куски.

– Так ведь оружие твое – у меня. Чтоб не под горячую руку, – с тем же омерзительным спокойствием объяснил ему Ганжа и, взяв лежавшую рядом с ним саблю, сунул ее в задранный к небу ствол орудия.

– Почему же не разбудил меня?! – метал молнии Хмельницкий, поспешно облачаясь и путаясь в одеяниях. – Как ты мог отпустить ее?

– Так ведь хотела бы – сама разбудила бы... И что ж ей тут, одной-единственной бабе на весь лагерь?

– Что значит «одной на весь лагерь»?

– К речке вон мыться пошла, так весь лагерь, полудурной-полусонный, за ней потянулся. Княгиня – это ж тебе не вдова, за тыном промеж двумя глечиками!¹²

– Ох, и христопродавец же ты! – отчаянно повертел головой Хмельницкий. – В бою погибнуть тебе не дано.

Выйдя из шатра, Хмельницкий сразу же бросился к коню и, вскочив на него, еще не оседланного, помчался к небольшим холмам, между которыми уводила в сторону Днепра едва приметная степная дорога, укатанная здесь когда-то еще повозками чумаков.

Поднявшись на один из холмов, он посмотрел вдаль. Ничего, кроме далекого степного марева да небольшой рощицы справа от дороги. И все же Хмельницкий не сдержался, погнал коня дальше. Гнал и гнал его, пока не достиг небольшого, едва пробивавшегося сквозь мелкий кустарник ручейка. Буквально свалившись с коня, он упал на прошлогоднюю траву и, повернувшись на спину, несколько минут лежал так, глядя сквозь подло выступившие слезы на высокое, подернутое голубоватой позолотой небо.

– Земля-то сырая, гетман. Зимняя, считай, – услышал он постылый голос Ганжи. – В нее, если уж ложиться, то так, чтобы никакая простуда не пристала. Пергаментно...

Тут же приблизились Савур и Седлаш. Подхватив гетмана под руки, они помогли ему подняться и подвели коня.

– Уезжая, княгиня сказала, что до середины лета пробудет в Кракове, у своей родственницы графини Конецкой, – молвил Ганжа. – Потом вернется туда же через год. Ну а где находится этот городок ее... этот чертов Карлов... так это, сказала, ты уже знаешь.

– Никогда не прощу этого тебе, Ганжа, – прорычал гетман. – Врагом моим лютым останешься.

– Ничего, поляки нас помирят, – благодушно успокоил его Ганжа.

¹² То есть кувшинами. В украинских селах кувшины обычно сушились на торчащих из изгороди невысоких жердях.

18

К своему замку в Грабово Гяур прибыл на закате солнца. Грозная, обведенная мощной стеной цитадель казалась совершенно безжизненной: ни одного лица в привратных бойницах, ни одного голоса из-за окон замкового дворца. А перед ним – неподвижная массивность ворот, на которых ярко вырисовывался родовой герб Одаров – меч между двумя скрещенными щитами.

Приблизившись к воротам – подъемный мост был опущен, – князь дотянулся рукой до герба, как до святыни. Ему показалось, что он излучает какую-то магнетическую силу, которая пронизывает все его тело, проходя через него, как молния.

Оглянувшись, Гяур увидел, что Улич и Хозар сошли с коней и стоят, сняв шлемы и почти-тельно опустив головы.

– Это память не только о моих, но и ваших предках, – молвил Гяур. – То, что досталось нам из прошлых веков и что останется после нас: замок, герб, имена... и добрая слава.

– Одар! – негромко ответили русичи-оруженосцы.

– Кто там?! – донесся из башни хриплый бас. – Чьи воины?

– Прибыл владелец замка князь Одар-Гяур! – ответил Улич. – И чем скорее ты протрешь свои сонные глаза и откроешь их, тем меньше плетей тебе достанется, мощи святой Варвары!

– Да, прибыл сам князь? – спокойно уточнил страж, и по голосу, по акценту, с которым он говорил, князь определил, что это был кто-то из норманнов.

– Кто теперь управитель замка? – спросил Гяур, увидев перед собой рослого широкоплечего викинга в старой потрескавшейся куртке из воловьей кожи.

– Ярлгсон. Тот самый, которого вы назначили, князь.

– Вас тогда было трое норманнов.

– Теперь осталось двое: Ярлгсон и я, Эриксон. Третий, Грумм, погиб, когда мы сражались с повстанцами, пытавшимися захватить замок.

– Так, значит, он все же выдержал осаду? – с гордостью уточнил Гяур.

– Держался целую неделю, пока не прибыл какой-то конный полк, посланный нам из Пшемсыля. Мы могли продержаться еще дня два, не больше. Не было пищи, не было воды, кончился порох. Но если бы все это было, если бы замок оказался подготовленным к осаде, мы бы положили под его стенами всю бунтующую орду.

Гяур сошел с коня, обнял норманна и так, почти в обнимку с ним, пошел через осадный двор к следующим воротам, за которыми начинался собственно замок, ибо эта, внешняя, стена была сугубо крепостной, как это заведено в любом укрепленном замке.

– Много людей погибло тогда?

– Немало, князь. Но княгиня ваша с дочерью живы. Мы боялись только за них.

Гяур признательно похлопал его по плечу. Он тянул с этим вопросом, побаиваясь услышать нечто страшное.

– Так они сейчас в замке?

– Отбыли к себе, в имение Ратоборово.

– Но ведь здесь безопаснее.

– Княгиню Власту почему-то угнетают наши мрачные стены, бойницы, подземелья... Чудились какие-то привидения и духи. Даже утверждает, что беседовала с вашим предком.

– Ты понимаешь, о чем говоришь, Эриксон?! Власта действительно беседовала с духом князя Одара?

– Об этом вам лучше расспросить Ярлгсона или ее саму. У меня создалось впечатление, что прекрасная княгиня способна общаться не только с духами, но и с позеленевшими в этих стенах камнями.

– Ты прав, Эриксон. Эта женщина способна беседовать даже с камнями. Особенно когда, глядя на нее, люди теряют дар речи.

Эриксон удивленно взглянул на Гяура и пожал плечами. Он был не из разговорчивых и воспринимал вещи такими, какими они есть. И слова тоже, так, как они сказаны.

Ярлгсон появился во внутреннем дворе замка, когда Гяур уже с удивлением осматривал обновленную стену, заново вымощенную брусчатку, восстановленный верхний этаж флигеля. Он помнил, что, уезжая во Францию, оставлял здесь не замок, а руины. И теперь с радостью подмечал, что все бойницы и башни восстановлены, появились новые хозяйственные пристройки.

– И все-таки вы вернулись, князь?! – мрачно обрадовался Ярлгсон. Он был чуть ниже ростом, чем его земляк Эриксон, зато непомерно выпяченная грудь казалась прикрытой толстыми латами. И ступал он, словно закованный в броню рыцарь, который только что сошел с коня. – Этот замок истосковался по вам, по хозяину, господин князь. С тех пор, как от нас ушел Януш Корчак, последний его владелец, он совсем осиротел.

– Мы возродим его, Ярлгсон. Вижу, вы зря времени не теряли. Почти весь замок обновлен.

– Здесь еще много работы. Но я всегда считал, что замок «Гяур» должен быть достойным своего князя.

Вместе они обошли все строения, поднимались на крепостные стены, спускались в подземелья. И наконец, оставшись только вдвоем, через тайный ход вошли в подвал, в котором хранились драгоценности. Ключом от этого тайника, его секретом, а следовательно, и доступом к драгоценностям, владел только Ярлгсон.

– Значительная часть вашего состояния была истрачена, – предупредил норманн, открывая перед князем заветный сундук. – Реставрация замка, осада, содержание обитателей...

– Странно, что здесь вообще что-либо осталось, – довольно равнодушно заметил Гяур.

– Но мы многое сэкономили. Когда польские войска прижали повстанцев к стенам замка, Джафар, литовский татарин, ночью провел через тайный ход десятерых из них. Мы не выдали пленных войскам, а разоружили и спрятали их в подземелье. В благодарность за спасение они потом полгода отстраивали замок только за питание и одежду. Вместе с теми двумя разбойниками – Орчиком и Гутой.

– Они все еще в замке?

– Отправились вместе с княгиней Властой в ее имение, чтобы оградить крепостной стеной хотя бы ее дом. С ними же поехало четверо оставшихся у нас повстанцев.

– Уж не ввели ли вы здесь рабство, Ярлгсон?

– Эти остались сами. Боялись возвращаться в родные края. Стали нашими, то есть вашими, извините, слугами. Кроме того, у нас появился еще один работник, германец Кюргер из Померании. С его помощью мы отремонтировали принадлежавшую вам мельницу, купили довольно большой участок пашни – тут один местный помещик разорился, и часть леса. Надеемся, что к нынешней осени наш померанец сумеет не только окупить расходы на землю, но и получить небольшую прибыль.

– Я тронут, Ярлгсон, – обнял его за плечи Гяур. – Вы непревзойденный управитель. Мне стыдно, что мое появление в замке не принесет вам ничего, кроме убытков. Во Франции мои дела тоже вроде бы процветают, но кошелек мой полнее от этого не становится. Скорее наоборот, – рассмеялся князь.

– Вы пополните его, насколько сочтете нужным. Никакие богатства не стоят того, чтобы вы, князь, хоть в чем-то ощущали нужду. Тем более что мы надеемся разбогатеть еще и за счет нашего заезжего двора.

– Какого еще двора? – не понял князь.

Швед вывел его на крепостную стену, выходящую в сторону села, и указал на три появившихся у нее строения.

– Владения Джафара, – объяснил он. – Сразу после восстания, пока по окрестностям еще слонялись группы гайдуков, мы устроили небольшой, временный заезжий двор прямо здесь, в крепости. Но потом поняли, что дело это выгодное. Теперь там, – кивнул он в сторону строений, – расположены гостиница, конюшня и трактир. Но родовитые аристократы по-прежнему могут ночевать в нескольких комнатах замка, на осадном дворе. Только за более высокую плату.

Гяур был поражен. Он понимал, что его собственной фантазии не хватило бы ни на одно из этих предприятий. Находись он все это время в замке, так и жил бы посреди руин.

– Я пробуду здесь три дня, – проговорил генерал так, словно испрашивал у Ярлсона разрешения остановиться в собственном доме. – Всего три. Нужно привыкнуть к этим стенам, пейзажам, открывающимся из окон и бойниц замка. К мысли о том, что у меня тоже есть свое пристанище.

– Здесь красивые места, князь Гяур. Воздух, как в Швеции. Нигде в этой болотной стране не найдете вы такого чистого и здорового воздуха – это я вам говорю. Оставайтесь здесь не на время, навсегда.

– Я давно подозревал, что ты мечтаешь замуровать меня в одной из башен моего же замка, Ярлсон. И теперь понимаю, что подозрения мои оправданы.

19

Теперь Хмельницкому уже окончательно стало ясно, что первый натиск штурмового отряда оказался отбитым, и пора отводить людей от крепости, чтобы не нести ненужных потерь. Распорядившись об этом, он продолжал осматривать Кодак с высоты прибрежного холма, не обращая при этом внимания на вспенивавшие днепровский плес ядра, коими крепостные бомбардиры пытались взорвать командующего повстанцами вместе с Казачьей Могилей, на которой гарцевал сейчас его конь.

Неудачу своих штурмовых сотен Хмельницкий воспринял с тем же философским спокойствием, с каким воспринимал бездарную пристрелку бомбардиров. Он и не рассчитывал на быстрый успех двух своих рот. Ликуя на стенах крепости, насмешливо потрясая над головами оружием и улюлюкая вслед откатывавшимся казакам, польские пехотинцы и германские рейтары еще, очевидно, не поняли, что первый штурм был всего лишь разведкой боем. На нее гетман Хмельницкий бросил две свои тыловые сотни, в которые были собраны стареющие, почти не обученные воинскому мастерству крестьяне да обозники, жаждавшие, однако, доказать всему славному рыцарству, что их воинские потуги явно недооценивают.

– Ну что, гетман, – показался на склоне возвышенности полковник Кривонос, – после разведывательного натиска за этими стенами тайны для нас уже не существует? – осадил он коня в нескольких метрах от командующего. – Пора бросать в бой казачью гвардию.

Хмельницкий осматривал в подзорную трубу башни и валы крепости и молчал. Ему вдруг вспомнилось, как он впервые оказался в этой крепости. Это случилось еще в те дни, когда он появился под стенами Кодака в свите тогдашнего великого коронного гетмана Станислава Конецпольского, по поручению и под присмотром которого фортификатор де Боплан возводил сию крепость.

Вместе с французским инженером и еще несколькими казачьими офицерами реестра Хмельницкий почти час осматривал этот выстроенный из красноватого гранита в виде пятиугольной звезды укрепленный замок. Окаймленный мощными наружными башнями и артиллерийскими бастионами, грозно возвышавшимися над высокими каменистыми валами и широким рвом, он, наверное, казался тогда Конецпольскому совершенно неприступным.

Когда осмотр был завершен, гетман и де Боплан неожиданно подошли к стоявшему чуть в стороне от остальных офицеров Хмельницкому и, словно бы не замечая его, коронный гетман самодовольно сказал французам:

– Абсолютно уверен, господин де Боплан, что взять штурмом это ваше творение казаки так никогда и не смогут. Не говоря уже о татарах, которые вообще не решаются приближаться к подобным крепостям.

– Разве что прибегнут к длительной осаде, – скромно согласился фортификатор.

– Ну, слишком долго осаждать эту крепость мы им попросту не позволим. Запасы пороха и продовольствия в ней всегда будут таковыми, что их хватило до прибытия подкрепления.

– Это очень важно, – согласился де Боплан, пребывавший в прескверном настроении. Потом он признался Хмельницкому, что в подобной мрачности находился всегда, когда завершал строительство крепости или реконструкцию какого-либо замка. В очередной раз оказавшись не у дел, он начинал чувствовать себя никому не нужным. – Поскольку весь мой опыт подсказывает, что подкрепления, идущие к осажденным крепостям, в большинстве случаев опаздывают.

– Слушая ваши мрачные пророчества, можно подумать, что вы возвели не мощную крепость, а лагерь из казачьих повозок, – недовольно пробрюзжал Конецпольский, гордившийся крепостью так, словно это он начертил план и собственноручно возвел на днепровском берегу гранитное чудо, становившееся отныне самым южным форпостом Речи Посполитой.

– Иногда лагеря из повозок бывают не менее неприступными.

– Давайте лучше попытаемся взглянуть на этот замок глазами будущего казачьего гетмана, – напомнил Конецпольский француз о стоявшем рядом Хмельницком. – Что скажете, господин генеральный писарь, как вам эта крепость? Небось повнушительнее, чем Каменец? Рискнули бы взять ее штурмом?

– Не только бы рискнул, но и взял бы.

– С казачьей пехотой да против двадцати восьми крепостных орудий и нескольких тысяч ружей и фальконетов?

– Видите ли, господин коронный гетман, – ответил Хмельницкий, с пренебрежительной улыбкой перейдя на латынь. – Как говорили в таких случаях древние, «что руками сделано, то руками и будет разрушено».

Конецпольский подозрительно оглянулся на маявшихся в неволе казачьих офицеров, будто подозревал, что эти несколько человек ринутся на приступ замка сейчас же.

– Потому что не о защите этой твердыни государства польского думаете, – гневно изрек он. – Нет, господин Хмельницкий, существуют крепости, которые вечны так же, как вечны империи, их сотворившие. Символами вечности они остаются даже тогда, когда враги превращают их в руины.

– Красиво сказано, господин Конецпольский. Мудро. Только вряд ли это о Кодаке.

...И вот теперь штурмовые сотни отходили к гряде небольших холмов, а орудия Кодака победно палили им вслед. Однако на гребнях холмов уже появились передовые отряды трех полков, которым надлежало ринуться на настоящий штурм, причем сразу с трех сторон. В то же время десятки лодок и больших плотов начали блокировать Кодак со стороны Днепра. Их экипажи не только перекрывали путь подкреплению, которое могло прибыть по реке, но и готовились имитировать нападение на крепость, чтобы отвлечь на себя хоть какую-то часть гарнизона.

– Что, гетман, пора? – нетерпеливо привстал в стременах полковник Кривонос. – Нельзя давать полякам передышки, она смертельно вредна им.

Хмельницкий прислушался к очередному залпу крепостных орудий, ударивших в этот раз по плотам и лодкам. Осажденные поняли, какую опасность таят эти «речные казаки», и заметно занервничали.

– А мы не полякам, мы себе дадим передышку. Разошли вестовых и прикажи прекратить штурм.

– Но мы не должны застревать здесь. Дня через два-три поляки могут прислать сюда большой отряд, возможно, целый корпус.

Хмельницкий с философской грустью взглянул на возвышавшуюся перед ним мощную крепостную стену, на выдвигавшиеся к ней по луговой долине штурмовые отряды, тащившие огромные лестницы словно кресты, с которыми надлежало подниматься на Голгофу; прислушался к артиллерийской дуэли, в которой три казачьи пушчонки противостояли по крайней мере двадцати пяти польским.

– Не имея артиллерии, мы действительно увязнем в этих оврагах и в обмен на гору камня положим горы своих воинов. Тебе нужна такая победа, полковник?

– Но иного способа не существует, – пожал плечами Кривонос, не понимая, к чему клонит командующий. – Ведь штурмовал же этот замок гетман Сулыма. И ничего, взял, и крепость тогда почти полностью разрушил...

– Чем закончились эти его штурмы, тебе известно не хуже, чем мне, – в Варшаве на плахе.

– Это случилось уже после штурма.

– Пусть небольшие группы повстанцев еще несколько раз подойдут к валам, но лишь для того, чтобы поляки слегка обстреляли новобранцев. Только для этого. На штурм не идти,

разить гарнизон из ружей и фальконетов. Остальным силам отступить за холмы и рассредоточиться.

– Начинать святое дело с поражения?! – все еще не верил Кривонос в то, что Хмельницкий вот так, запросто, возьмет и отрешится от штурма ненавистой для всех казаков польской крепости. – Нам нужна победа, гетман. Здесь, под этими стенами, – указывал он острием сабли на мощные башни Кодака, – нам нужна только победа, весть о которой наши тайные гонцы могли бы тотчас же разнести по всей Украине. Только тогда народ поверит, что мы не просто еще одна ватага, решившая поразмяться в легких баталиях, а настоящая повстанческая армия. Вспомнит Сулыму – и поверит.

– Все, что ты говоришь, полковник, верно. И все же мы оставим у крепости не более двухсот человек ¹³, – настаивал на своем Хмельницкий. – Чтобы они мельтешили на виду у гарнизона, не подпуская к крепости никакие обозы. И запомни, полковник, мы начали эту войну не для того, чтобы перед нашими войсками пала какая-то затерянная в степях крепость, а чтобы под их натиском пала сама Польша. Это не одно и то же, полковник, не одно и то же.

¹³ По поводу штурма Кодака историки резко расходятся во мнении. Одни утверждают, что Хмельницкий сразу же захватил ее и разрушил. Другие же аргументированно доказывают, что гетман, войско которого тогда еще оставалось малочисленным, не имеющим достаточно артиллерии, не стал тратить время и силы на эту крепость, благоразумно оставил ее в тылу, под присмотром небольшого заслона, а сам двинулся навстречу армии польского командующего Н. Потоцкого. Вторая версия представляется автору более правдоподобной.

20

На эту карету в Черкассах мало кто обратил бы внимания, если бы не украшавший ее передние и задние стенки королевский герб. Она появилась на улицах города, который вот уже несколько месяцев был ставкой коронного и польного гетманов, в сопровождении тридцати крылатых гусар и десяти закованных в броню литовских татар-лучников – но мало ли в то время прибывало в Черкассы карет и обозов!

Многие шляхтичи являлись на зов коронного гетмана не просто с личной охраной, но и с целыми хоругвями наемников, слуг и воинов дворянского ополчения своего края. Но вот королевский герб... Даже коронный гетман имел право только на герб своего рода да на усиленную охрану. В карете с королевским гербом в этой имперской глуши мог появиться только воин из королевского рода или же комиссар короля по особым поручениям, облеченный особой королевской властью.

Постовые и дозорные разъезды эту карету останавливать не решались. А если кому-то, по серости его душевной, и приходило такое в голову, то объяснялся с ним начальник конвоя ротмистр Колевский, предпочитавший вообще ни с кем не объясняться. Или же объясняться так, что у интересующегося мгновенно исчезал всякий интерес к карете и ее высокородному таинственному обитателю.

Время от времени карета останавливалась у одного из домов, в котором квартировал тот или иной офицер, и из нее выходил невысокий человек в черном дорожном плаще, черной шляпе и с длинной черной шалью вокруг шеи. Он никогда не входил в дом. Ротмистр Колевский вызывал офицера во двор и тут же представлял его тайному королевскому советнику господину Вуйцеховскому, прибывшему из Варшавы с особым поручением короля и коронного канцлера князя Оссолинского.

Офицер – как правило, высокородный шляхтич – с недоумением смотрел на черного человечка в гражданском, почти карлика, с трепетом ожидая услышать нечто такое, что объяснило бы интерес к нему тайного советника, а следовательно, канцлера и даже самого государя. Но Коронный Карлик стоял перед ним, запрокинув голову и спокойно, с невозмутимостью палача, всматривался в лицо. При этом Вуйцеховский не чувствовал себя неловко оттого, что выглядит карликом, что он гражданский и что ему, по существу, нечего сказать вызванным к нему полковнику, подполковнику или майору.

Он всматривался в глаза офицера с таким искренним, неподдельным интересом, словно видел перед собой восставшего из праха Стефана Батория. И офицер постепенно поддавался гипнотической силе его взгляда и его молчания. Он начинал что-то бормотать по поводу того, сколько войска ему удалось собрать. Что повстанцы уже недалеко и что, если их не остановить где-то здесь, на подступах к Черкассам, они пойдут на Киев, а то и сразу двинут на Каменец и даже на Львов.

Он говорил и говорил, ожидая хоть что-нибудь услышать в ответ, уловить хоть какую-то реакцию. Но ее не было. Лицо Коронного Карлика оставалось безмятежно-равнодушным – и к офицеру, и к тому, что он говорил, и к тому, что, собственно, происходило сейчас в Украине.

Так и не произнеся ни слова, тайный советник короля и коронного канцлера, комиссар Его Величества по особым поручениям переводил взгляд с лица собеседника на небо словно молил, чтобы оно наконец-то заставило офицера умолкнуть, поворачивался, и так же молча, не спеша безмятежно возвращался к своей карете. После этого даже офицеры с очень крепкими нервами отчаянно крутили головами, пытаясь понять, кто из них двоих идиот и как им следует истолковывать визит этого гнома?

Когда на второй день слухи о странной карете с королевским гербом и еще более странным визитере из Варшавы дошли до коронного гетмана графа Николая Потоцкого, он сразу

же понял, что «варшавский карлик в черном», как успели окрестить Вуйцеховского в Черкассах, есть не кто иной, как Коронный Карлик. Гетман тотчас же разослал гонцов во все полки выяснить, с кем этот черный гном встречался, что говорил, а главное, о чем расспрашивал. И был потрясен, узнав, что Коронный Карлик, в общем-то, никому ничего не говорил и ни о чем не расспрашивал, а лишь выслушивал трепетные доклады командиров, как выслушивают лепет сумасшедших.

«Не зря Оссолинский подослал его, не зря... – обиженно скрежетал зубами старый вояка, заряжаясь подозрением. Успев побывать во многих сражениях, он так и не сумел привыкнуть к придворным баталиям, в которых князь Оссолинский неизменно представлял непревзойденным стратегом. – Канцлер, пся крев! Чего он суется сюда? Какого дьявола посылает своих шутов, вместо того чтобы срочно слать подкрепление?»

– Где этот... в черном?! – наконец разразился гетман, коршуном налетая на докладывавшего ему офицера-порученца графа Торунского.

– В городе. В Черкассах, ваша ясновельможность.

– Знаю, что не в Риме. Где именно? Кто его приютит?

– Госпожа Заславская. Вдова полковника.

– Лярва она, а не вдова. Но имение у нее порядочное. С польным гетманом Карлик уже встречался?

– Пока что нет.

– Когда я окончательно решусь вздернуть его, это добавит ему лишний обмылок.

– Вздернуть польного гетмана? – омертвевшими губами пробормотал Торунский.

– И его – тоже. Нет гарантии, что Оссолинский не взялся перессорить нас между собой.

А сделать это несложно, поскольку Калиновский видит себя с булавой коронного гетмана, как монашка – в обнимку со святым Павлом.

Торунский – рослый, краснощекий тридцатипятилетний толстяк – по-драгунски расхотелся. Ему явно импонировал способ мышления гетмана. Как и совершенно ошеломляющий способ выражения своих мыслей.

– И что, господин Вуйцеховский не собирается добиваться моей аудиенции? – наконец-то спросил Потоцкий о том, ради чего в очередной раз затеял со своим адъютантом разговор о Коронном Карлике.

– Во всяком случае, до сих пор никак не выразил своего желания.

– Он что, решил, что это я стану добиваться аудиенции у него?

– Я кое-что успел разузнать об этом человеке. Говорят, что добиться у него аудиенции не всегда удается даже королю, – подтвердил майор свою репутацию «бесстрашного кретина».

– Тогда сделайте так, чтобы его привели, нет, приволокли сюда и швырнули к моим ногам. Как шпиона повстанцев. Или турецкого лазутчика. А то и беглого каторжника. На ваш выбор, граф. Но сегодня вечером он должен быть здесь, в моей резиденции, у моих ног.

– Человек, который появляется в ставке коронного гетмана, на двое суток откладывая визит к нему, очевидно, полагает, что кареты с гербом короля Польши и охранной грамоты короля, подкрепленной письмом коронного канцлера, вполне достаточно, чтобы его не тронули даже казаки Хмельницкого, не говоря уже об офицерах коронного гетмана, – столь же дипломатично, сколь и бестактно, напомнил Потоцкому его адъютант.

21

В Ратоборово Гяур прибыл под вечер. Над усадьбой витала непорочная сельская тишина. Омытые первым весенним дождем деревья сладостно дремали в черной неподвижности все еще не оживших крон, а над Сатанинским холмом медленно полыхало пламя огромного костра.

– Это что за огнище? – насторожился князь, едва оказавшись за недавно выложенной из камня, еще не завершенной надвратной аркой. – Что там происходит?

– Костер, – пожал плечами Хозар.

– Но это костер на Сатанинском холме.

– На Сатанинском, – спокойно подтвердил ротмистр. – Просто так на нем костров не зажигают.

– Просто так – нет, – молвил Хозар, и только тогда словно бы вырвался из своей тягостной дремы. – А что означает это огнище?

Пригнувшись к гриве, чтобы не задевать головой ветки, Хозар помчался выяснять, кто разложил этот колдовской костер. Но Гяур и сам не удержался, пустил коня напрямик, петляя между кронами деревьев. Слишком хорошо запомнился ему погребальный костер на вершине этого холма в ночь смерти слепой Ольгицы. Слишком мрачными представляли услышанные потом от слуг княгини легенды.

Подниматься на холм в седле Гяуру показалось святотатством. Оставив коня, он по узкой тропинке взбежал на вершину, обогнав при этом Хозара.

Отсюда, с небольшого плато, холм показался значительно выше, чем был на самом деле. Гяур вдруг ощутил его почти головокружающее поднебесье.

Костер полыхал между землей и небом, и женская фигура в легком коротеньком тулупчике, застывшая на нависшей над водопадом каменной площадке, представала перед ним во всей своей призрачной ирреальности. Хозар и остальные спутники генерала остались там, у подножия, и теперь их тоже словно бы не существовало.

На появление князя Власта внимания не обратила. Она стояла между огнем и водопадом и, плененная этими двумя стихиями, отрешенно всматривалась куда-то вдаль – то ли в разливающийся за пенящимся водопадом плес реки, то ли в небесное видение.

Первым желанием Гяура было подойти к женщине, обнять, но ему вдруг показалось, что стоит приблизиться еще хотя бы на шаг, и случится то самое страшное, что только может случиться на Сатанинском холме.

Не желая испытывать судьбу, Гяур уселся в каменное кресло, которое, по названию холма, тоже считали сатанинским, и несколько минут безмолвно наблюдал за непонятным ему, незримым таинством, проходившим на краю выступа. Абрис фигуры Власты очерчивался пламенем костра. Освещенные луной небеса куполом зависали над холмом и водопадом, озвучивая всю эту огненно-небесную симфонию холодным гулом преисподней...

Князю уже приходилось слышать, что на Сатанинском холме на человека порой снисходит то ли блуд, то ли какое-то неземное озарение, однако воспринял это как еще одну легенду, за которой не стоит ничего, кроме... легенды. Но сейчас, когда перед глазами его неожиданно возникла огромная сиреневато-розовая полусфера, он даже не понял, что сознание его преодолевает ту грань, за которой реальное переходит в полусон.

Это продолжалось недолго, и в то же время будто целую вечность. Поглощенный неведомой силой полусферы, он парил над рекой, над ярко-зеленым лугом, над огромным водопадом, словно бы низвергающимся из-под небес и пенно остывающим где-то в глубине материка. И все, что открывалось Гяуру, представало перед ним величественным и прекрасным.

Но потом зелень луга вдруг покрылась дымкой, и сквозь нее, будто в волшебном зеркале, князь увидел бурлящее где-то вдалеке сражение и как бы со стороны – самого себя во главе большого отряда. Затем последовал ослепительный взрыв ядра, и Гяур ощутил, что предплечье его рассечено осколком. А еще – абордажная схватка на борту какого-то корабля. И он на палубе, посреди штормящего океана... Пальмы на берегу.

«Берег, завещанный тебе командором Морано...» – неожиданно прозвучал неведомо чей голос. Он исходил откуда-то из глубины самой полусферы, негромкий, успокаивающий, завлекающий.

– Разве я когда-нибудь достигну его? – спросил Гяур.

– Судьба занесет тебя к нему не по твоей воле. Но ты не противься этому. Ты через многое должен пройти и через Африканскую Нормандию – тоже.

– Зачем?

Вопрос оказался бы неожиданным не только для существа, владычествующего божественной полусферой, но и для самого Господа. Поэтому молчание Божьего гласа не удивило князя.

– Так предначертано.

– Почему? – Вновь длительное молчание. Поняв, что вопрос его снова оказался за некоей чертой рокового запрета, Гяур изменил его: – Кем предначертано?

– Высшими Силами.

– Кто же тогда вы? Кто повелевает мною?

– Высшие Силы. Те, кому мы покровительствуем на земле, называют нас только так.

– Значит, вы – Бог.

– Бог сотворен вами, грешными, – даже в этом суровом космическом полубреду Гяур уловил в вещавшем ему голосе откровенную иронию. – Молится тот, кто верит, а верит тот, кто молится...

Перед князем вновь и вновь возникали какие-то картины, словно бы выхваченные памятью из его собственного прошлого, но еще никогда не прожитые им. И постепенно Гяур начал понимать, что кто-то, всезнающий и всемогущий, прокручивает перед ним его будущее, будто бы призывая: «Будь смел! Не бойся своей судьбы. Несмотря на все опасения и тяготы, она величественна и прекрасна. Как величественна и прекрасна сама жизнь».

...Стены крепости или замка. Нет, скорее все же замка. Усеянное цветами поле. Он и Власта ловят коня и, смеясь, подсаживают на стремя мальчишку лет двенадцати. Со стороны за этим наблюдает черноволосая девушка.

– Это моя семья? – удивленно спросил Гяур.

– Приучай сына к седлу. Князь Одар-Гяур Второй будет великим воином.

– Но у меня нет сына.

Молчание.

– У меня нет сына! – крикнул Гяур, чувствуя, что мистический полусон развеивается, значит, отвечать будет некому.

– Сына? – ласково спросила Власта. Очнувшись, Гяур увидел, что она присела перед ним и, обхватив ладонями его лицо, всматривается в глаза. – Почему ты кричишь на весь мир, что у тебя нет сына? – рассмеялась она. – Кому жалуешься?

– Но там... сейчас ты ее увидишь. – Гяур взглянул в поднебесье, однако никакой полусферы, вообще чего-нибудь такого... там не было. – Понимаешь, мне явили сына. Те, Высшие Силы, явили мне...

– Да будет у тебя сын, будет! – все еще смеясь, завершила его Власта. – Возможно, даже не один. А дочь уже есть.

– Но там... Я видел. В сфере...

– Ты видел, как мы приучали к седлу гордого князя Гяура-Победителя? Я тоже видела. Только к подобным видениям я уже привыкла. И потом, кто сказал, что у нас не может быть сына? Коль уж ты вспомнил обо мне и не поленился навестить мое убогое имение.

Гяур потер ладонью лицо и яростно повертел головой, словно пытался развеять остатки сна. Однако ему это не удавалось.

– Я не мог не заехать. Меня все время тянуло сюда. В конце концов я должен был увидеть тебя...

– И свою дочь.

– И дочь, – рассеянно подтвердил Гяур. – Ярлгсон рассказывал мне, как ты спасалась в Грабове... вместе с дочерью.

– С твоей дочерью, милый, – прикоснулась челом к его челу.

– С моей дочерью, – словно замороженный повторил князь. – С нашей.

– Ну, слава Богу, дошло, что с нашей.

Власта потерлась кончиком носа о его нос. Прикоснулась губами к его губам, припала к груди.

– Как же я боялась, что ты не признаешь ее своей.

– Почему боялась? – попытался отшутиться князь. – Ты ведь у нас всевидящая.

– Там, где начинаются сугубо женские страхи, там кончается не только здравый человеческий смысл, но воля Высших Сил, поэтому приходится оставаться наедине с собой.

Прижавшись друг к другу, они сидели, овеваемые дымом угасающего костра и рокотом водопада. Им было хорошо вдвоем, как бывает хорошо только людям, познавшим, что такое разлука, и не желающим больше расставаться ни на один день.

– И все же, что это было, Власта, – сиреневый шар, некая полусфера, какие-то видения...

– Мне очень хотелось, чтобы ты увидел все то, что увидел.

– То есть ты знала, что я приехал. Мне показалось, что ты не заметила моего появления.

– С трудом удалось уговорить Учителя, чтобы слегка озарил тебя будущим.

– «Озарил будущим»... Какая это непостижимая способность. Как часто мы со страхом и любопытством заглядываем в него, осознавая свое полное бессилие перед судьбой.

– Но сегодня это произошло.

– Сегодня – д...?а. Где она... дочь?

– На дворе уже наступила ночь, милый, – мягко улыбнулась Власта, поднимаясь и беря его за руку. – Самым большим открытием для тебя станет то, что в такое время дети обычно спят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.